

НИКА
ОБОЛЕНСКАЯ

СОВРЕМЕННЫЕ ЛЮБОВНЫЕ РОМАНТЫ

Любовь в ЛОПУХАХ

Ника Оболенская

Любовь в Лопухах

<https://litres.ru/74212798>

Аннотация

НОВИНКА ПРО СПЕЦНАЗ:

– Очкастая, может, тебе помочь? - ухмыляется Демьян. – С чем, придурок? – отвечаю в тон. А его ладонь уже по-хозяйски ползет выше по моему бедру. – С твоей писаниной. Ну я же вижу, что у тебя проблемы... с практической частью. Готов поделиться своим бесценным опытом... по-дружески. – А больше ничем не поделишься? – Что за намеки, Тишина? Я здоров, как бык! И даже согласен пострадать ради искусства, лишь бы ты написала нормальный роман, а не это убожество! Вот же, кобель! – Не в этой жизни, Морозов! – шиплю вне себя от гнева и сердито скидываю с бедра нахальную клешню. Дзена в деревне можно легко достичь, если соблюдать простые правила. Никаких шашней с соседом. Никакого алкоголя. И никогда, никогда не забывать запирать курятник. Спасите! Я нарушила их все!

♥#Легкая история с обязательным ХЭ содержит: нецензурную брань, сцены употребления алкоголя, сцены эротического содержания 18+

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Матильда, Кинг и справедливость	7
Глава 2. Кровиночка и Лола Бесподобная	11
Глава 3. Тетя Зина и ретрит	17
Глава 4. Лопухи	26
Глава 5. Триумфальное прибытие и шпилька	30
Глава 6. Дед Митяй и чертовщина	34
Глава 7. Пирожки и баня	37
Глава 8. Ундина, Дима и свингеры	41
Глава 9. Мечта	46
Глава 10. Справедливость и очки	49
Глава 11. Сугроб, банщик и табурет	53
Глава 12. Очкастая и Демьян	57
Глава 13. Назад в детство	60
Глава 14. Чужаки	65
Глава 15. Морозовы	69
Глава 16. Муженек	72
Глава 17. Жenuшка	78
Глава 18. Галина Зинаидовна	84
Глава 19. Фенисимка	88
Глава 20. Ромашка и Чудо-Юдо	94
Глава 21. Морозостойкий лопух и не только	100
Глава 22. Невинно насаженная	104

Глава 23. Анонимное сестринство	107
Глава 24. Овца	111
Глава 25. Переполох	116
Глава 26. Принц и жабы	122
Глава 27. Тактический ход	129
Глава 28. Чай, жених и заклятый друг	134
Глава 29. Опасно	144
Глава 30. Поцелуй	149
Конец ознакомительного фрагмента.	150

Пролог

Данная книга предназначена для читателей старше 18 лет!

В книге присутствуют сцены употребления алкоголя, курения и сцены эротического содержания, ненормативная лексика.

Все события вымышлены, совпадения случайны.

Автор не призывает и не поощряет поступать так, как описано в данном художественном произведении.

Также автор напоминает, что распространение книг без его ведома и согласия является нарушением действующего законодательства РФ (ст.145 УК РФ).

Мы только что едва не переспали!

Осознание обрушивается на меня многотонной волной.

Боже, какой стыд!

Обхватываю себя руками, мечтая исчезнуть из этого места и оказаться где-то далеко отсюда.

Но мои желания редко стыкуются с реальностью.

В ней я с легкостью позволила Демьяну Морозову – моей первой и глупой безответной любви – практически разложить меня на столе.

Лицо горит, на губах еще его вкус. А там, внизу, все ноет от неутоленного желания.

Наощупь натягиваю на себя одежду, но внутри все вибрирует и дрожит.

Чувствую себя максимально неуверенно и беззащитно.

Будто душа до сих пор обнажена.

– Что не так? – зло выдыхает Демьян.

Что не так? Да все!

Дорогие мои, рада вас приветствовать в своей новинке! Хочется написать легкую, даже хулиганскую историю, пронизанную деревенским вайбом, юмором и, конечно, любовью!

Устраивайтесь поудобнее, мы отправляемся в Лопухи!

Как и всегда, буду вам благодарна за поддержку новинке: звездочки и комментарии радуют мое сердце и подбадривают Муза!

Кто еще не подписался, советую это сделать, так вам будет проще узнавать о новых главах!

С добром, ваша Ника##

А пока наша Любовь борется с полярными по силе желаниями - "прибить и прикопать в снегу" или "поцеловать и потерять голову" - приглашаю вас в историю любви, где героям предстоит откопать на развалинах общего прошлого себя настоящих.

Просто бывшие - <https://litnet.com/shrt/g8mm>

Глава 1. Матильда, Кинг и справедливость

За несколько дней до событий пролога

– Матильда! – с придыханием воскликнул Эдвард и прижал юную прелестницу к своей широкой волосатой груди. – Я хочу тебя, Матильда! В моих чреслах горит настоящий пожар. И это пламя любви не гаснет ни днем, ни ночью!

Последнее он простонал, сильнее сжимая объятия.

От этого признания сердце Матильды забилося безумной птичкой, на персиковых щеках выступил горячий румянец.

– О, Эдвард, возьми же меня скорее! – простонала она в ответ.

Горячие и сильные ладони Эдварда уверенно поползли по её спине, опалая жаром через тонкую ткань блузки.

А когда мультимиллионер по-хозяйски обхватил мягкие полушария ягодиц и вжал бедра Матильды в свои пылающие чресла, она почувствовала всем своим естеством бушующее желание Эдварда проникнуть в её девственную плоть.

Потеревшись животом о возставший бугор мистера Грея, Матильда ощутила ответное возбуждение.

Оно огромным комом скопилось прямо между ее прекрас-

ных ножек. Одну из которых она уже закинула на бедро Эдварду.

И когда нахальные пальцы мистера Грея, сдвинув мокрое белье в сторону, проникли в сосредоточение ее желания, раздвинув набухшие скользкие лепестки, Матильда откинула голову, потрянула своими длинными волосами и... заскулила.

Что за херня?

Вынырнув из текста, озадаченно смотрю на экран ноутбука.

Матильде явно не скулить стоило, а требовать, чтобы мистер Грей трахнул ее наконец... а я уже закончила эту сцену и перешла к следующей главе.

Рядом снова завозился Кинг и тихо заскулил.

На умильной бульдожьей мордочке читалось явное нетерпение.

– Что, мой хороший, никто не хочет с тобой гулять? – ласково почесываю Кинга за ушком. – Я бы с радостью, но мамочке надо еще поработать.

В ответ Кинг засопел громче, а потом издал уверенный «гав».

Кидаю взгляд на монитор.

Семь утра...

Полночи я мучаю клавиатуру и свой мозг, а толку хрен.

В глаза будто песка сыпанули, есть хочется со страшной силой...

А еще хочется забить на все огромный болт и лечь в спяч-

ку до весны.

К концу года моя прокрастинация развернулась во всей ее красе. Сроки сдачи рукописи поджимают, а мне ничего не хочется.

Но есть такое слово «надо».

И сейчас мне очень-очень надо дописать главу.

Кингуша, будто почувствовав направление моих мыслей, бодает ладонь мокрым носом. Явно намекая, что собачье терпение не безгранично, и угроза напрудить лужу в прихожей все реальнее.

– Сейчас мамочка решит эту проблему.

Выползаю из своего уютного кресла и разминаю затекшую спину.

Мне нужен раб!

Он будет писать романы за меня и бегать рысакom в издательство!

Нет, два!

Другой в это время будет делать мне массаж.

Три!

Кто-то же должен готовить и убирать квартиру...

Озадаченно тру бровь.

Нет, троих в моей двушке тяжело будет содержать.

Значит, нужен еще один!

Он будет впахивать на пяти работах, чтобы обеспечить свою госпожу жильем побольше.

У нормальных женщин всех рабов заменяет один единственный муж.

Но я-то ненормальная!

Хмыкнув своим мыслям, поправляю очки и шлепаю в соседнюю комнату.

Один мелкий рабчонок у меня все же есть.

– Тимка, а ну быстро вставай! Солнце уже в зените, а на плантации хлопок стынет! Сколько можно дрыхнуть?!

Ответом мне был молодой разухабистый храп и полный игнор.

Есть вообще в этой жизни справедливость, или как?

Глава 2. Кровиночка и Лола Бесподобная

Младший братец спал сном праведника, по-детски приоткрыв рот и подложив ладонь под щеку.

Паршивец сегодня пришёл в три ночи, с грохотом свалив в прихожей вешалку. А потом еще долго гремел на кухне кастрюлей, чем ужасно раздражал.

Наверняка добрался до моего борща, который неделю как прокис, и я постоянно забывала его вылить.

Совість ночью кусала – надо бы сказать.

Но победили лень и нежелание вылезать из-за ноута, где я усердно пыталась «скрестить» мультимиллионера-филантропа – и просто красавчика – с девственницей с двумя левыми ногами и шишом в кармане.

– Тимка, если ты сейчас же не встанешь, то я... – ухватившись за беспечно высунутую братцем пятку, пригрозила: – Я защекочу тебя до смерти!

– Люб, отста-а-ань! – дернув ногой, простонало это недоумение и зарылось носом в одеяло.

Но кто сказал, что я послушалась?

Экзекуция продолжилась, пока брат наконец не отвоевал у меня свою конечность.

– Ну сходи сама-а-а, - промычал-прозевал Тим в подушку.

Нет, ну вы поглядите на этого лодыря!

Как пропадать полночи в клубах и барах, так он первый!

А как погулять с собакой, так сразу всё на старшую сестру сваливает!

Предмет нашего спора, забравшись на диван, обиженно переводил взгляд с меня на Тимку и обратно.

Прислонившись плечом к стене, я елеинным голосом выкатила главный контраргумент:

– Тимофей Антонович, если ты сейчас же не встанешь и не пойдёшь гулять с собакой, я тебя лишу денежного довольствия и квадратных метров...

Из-под одеяла тут же обиженно завыли:

– У-у-у, какая же ты злая, Любка! – А потом на меня нахально посмотрел левый глаз. Губы Тимки скривились в усмешке. – Это все потому, что ты пишешь свои порнушечные книжонки, а у самой вечный недотра...

Ах, ты маленький говнюк!

Не выдержав такой критики в свой адрес, я стащила одеяло и начала безжалостно щекотать мелкого засранца.

Кинг тоже включился в игру, весело лая и наскакивая на лодыря.

– А-а-а, Любка, перестань! Щ-щекотно-о! Я понял, понял, понял! Все, встаю!

Взъерошенной Тимка подскочил как ужаленный в задницу медведь-шатун и, зыркнув на меня покрасневшими от недосыпа глазами, пошел в ванную.

Взржав ехидной, я отправилась на кухню, чтобы собрать себе какой-нибудь завтрак.

Во рту с ночи не было ни маковой росинки... ни вкусненького масляного эклера, ни пирожного с шапкой сливок.

Зарядив кофемашину сразу на две чашки – ну, не настолько я бессердечная сестра! – вернулась к себе и устало пробежала глазами по строчкам.

Мда, не густо!

Такими темпами моя Матильда успеет состариться и умереть, пока дождется от автора «горяченького».

Мимо прошлепал на кухню братец и разочарованно взвыл, брякнув дверцей пустого холодильника.

– И купи заодно молока, хлеба и колбасы! – отдала я распоряжение, остервенело стуча по клавише.

Буркнув что-то про безжалостных эксплуататорш, Тимка ушел с бульдогом на прогулку.

Оставшись в тишине квартиры и прихватив чашку кофе, снова вернулась к своим баранам.

До сдачи рукописи оставалось меньше двух недель, и редактор торопил меня, угрожающе строча по десятку сообщений на дню.

А у меня не то что романа, у меня и половины текста нет.

Тотальный неписец пришел тогда, когда его не ждали, и у меня пока ни коня, ни воза, ни отжаренной как следует Матильды.

Поискав то самое вдохновение на дне кофейной чашки, я

с тяжким вздохом склонилась над ноутом.

Давай, Лолка, красная икра сама себя не заработает и на багет с маслом не намажет...

« – О, Эдвард, я вся изнемогаю! Скорее же! Войдите в меня!.. Иначе я умру, так и не познав сладость любви!..

Будто услышав этот призыв, Эдвард набросился на невинную Матильду со всей ему доступной страстью.

Сорвав одежду, уложил прелестницу на хрустящие шелковые простыни. Решительно раздвинул коленом ей ноги и устроился между них.

Её нежные лепестки призывно блестели, наполненные соками любви, и больше не медля ни секунды, Эдвард ринулся вперед.

Разметав по шелку волосы, Матильда закусила уголок подушки.

Застонав в унисон, они отчаянно предавались вечному танцу любви».

– С подушкой, что ли, в унисон стонали? Ну ты, мать, грамотейка! – раздаётся над духом ехидное восклицание брата

Сердито дергаю плечом и правлю последнее предложение. Час пролетел незаметно, а у меня уже мозг дымится.

Кинг «пылесосит» носом завалявшийся под столом фантик от конфеты.

– Лапы псу помыл? – Выбираюсь из уютного кресла и иду на кухню.

Голодный автор – недобрый автор.

Того гляди и пришибет героев вместо того, чтобы их осчастливить сексом.

– Обижаешь! Помыл, конечно. А еще... Пока ты тут над ноутом чахла, хороший мальчик Тимоша метнулся кабанчиком в кулинарию и закупил вкусностей, – подмигивает мне добытчик.

А я, быстренько проинспектировав содержимое пакета, уже нарезаю свежий хлеб и пластаю на него добрый такой кусок колбасы.

Щелкнув кнопкой кофемашины, наблюдаю с возрастающим возмущением, как младшенький внаглую уписывает мой бутерброд.

– Вкусно?

– Не очень, – шамкает с набитым ртом наглый воришка.
– Может, тебе не порнуху писать, а ужастики. «Как убить едой?» Бестселлер бы получился...

– А по соплям? – вношу коррективы в планы братца.

– Я тогда все маме расскажу! – говорит это великовозрастное недоразумение и нагло доедает мой «несъедобный» бутерброд с колбасой.

Провожая упорхнувшую добычу недобрым взглядом и принимаю воинственную позу сахарницы.

– Ну тогда езжай на ПМЖ к мамочке... или возвращайся в общагу. Твоя койка тебя там заждалась, как и единственная душевая на этаж!

– У-у-у, злая ты, Любка! Но я никуда не уйду, иначе мама

действительно примчится к тебе читать нотации и проедать плешь...

Да, наша мама может. Папа – единственный, кто способен приструнить этот ураган.

Когда в общежитии Тимки затеяли ремонт – внезапно зимой! – мама уломала меня приютить младшенького под своей крышей.

Жалко же балбеса, родная все-таки кровиночка...

Кровиночка за три недели отлично обжилась на моих метрах и в принципе мне не мешала. Только иногда – как сейчас! – подбешивала.

Зато дома всегда прибрано, и в плохую погоду не я бегаю трусцой с собакой.

– Живи, засранец... – иду на мировую. – Но чтобы я больше от тебя не слышала про «порнушницу»!..

– Но ты сама же их и пишешь! – не сдается Тимка.

Пишу.

Под громким псевдонимом Лола Бесподобная, но это мой маленький секрет, о котором я предпочитаю не распространяться.

Особенно для мамы.

Глава 3. Тетя Зина и ретрит

Младшенький, конечно, прав. Но это не мешает мне на правах старшей его «строить».

– Все, брысь к себе! И не отвечивай до полудня, у меня сложная сцена сейчас...

– Да видел я твою сцену... О, Эдвард, возьми меня! – тянет тонким голоском этот нахал, а потом срывается на ржач.

Схватив полотенце, от всей души шлепаю мелкого паршивца по заднице.

Посмеиваясь и потирая горящее место, Тимка скрывается в своей комнате.

А я, кипя от негодования, снова сооружаю себе перекус.

Кингуша завистливо сопит рядом, и я со вздохом отдаю ему кусочек колбаски.

Кругом одни нахлебники...

В своей комнате долго медитирую на мигающий курсор.

Мыслей нет.

Вот что я говорила про неписец?

Обычно, такие сценки у меня пишутся очень легко.

В конце концов, это не детектив со сложными сюжетными вывертами придумывать и не психологическую драму с детальной проработкой антагониста.

С фантазией у меня полный порядок, да и «клубничка»

мне как-то ближе.

Наверное, потому что в детстве я втихушку зачитывалась мамиными романами подобного жанра.

Все эти нефритовые жезлы, пещеры, драконы, бутоны и мечи с ножами сначала вызывали у меня удивление, а позже – безудержный смех.

Но зато теперь мое хобби приносит мне копеечку.

Вот только осталось победить себя же и заставить дописать роман.

Давай же, Матильда, сдавайся, наконец!

Под носом неожиданно появляется коробочка из кондитерской с моими любимыми эклерами.

– Это что? – перевожу взгляд на Тимку.

– Топливо для мозга, – подсказывает, умилительно улыбаясь.

В ногах громко засопел Кинг, явно почуявший запрещенную вкуснятину.

А я уже надкусываю первый эклер и прикрываю глаза от удовольствия.

Ммм. За это можно все отдать!

– Ты, кстати, тут очепяталась... – Свистнув у меня один драгоценный эклер, Тим залипает в монитор ноута.

– Где? – я даже жевать перестаю.

– Если скажу, не будешь меня выгонять на мороз? – Косит на меня голубым глазом мелкий.

– Валяй! – после порции «драхенфутер» я, как и немецкая

фрау, сменила гнев на милость (*drachenfutter* дословно переводится как «корм дракона», подарок, который дарят проитрафившиеся немцы своим благоверным – прим.автора).

– Шелковые простыни не могут хрустеть... если, конечно, твой Эдвард не дробил на них месяц.

– Фу-у, пошляк! – треснув братца по плечу, спешу поправить текст и попутно вылавливаю еще парочку стилистических «блох».

Мелкий торчит рядом, пес бдительно следит за эклерами... а до меня медленно доходит.

– С каких щедрот подгон? – киваю на коробку сладостей.

– Просто хотел побаловать любимую сестренку, – пожимает плечами Тимка.

Ой, чуют мои нижние девяносто девять, что этот хитрожопый жук темнит.

– Давай уж, выкладывай, – со вздохом отодвигаю от себя калорийную бомбу.

А то нижняя двузначная цифра грозит стать трехзначной. Так себе достижение в начале года.

– Люб, а может быть, тебе куда-нибудь уехать?... – начинается голосом опытного продавца Тимка, а я только задираю вопросительно бровь.

– Решил от меня избавиться? А менее энергозатратных способов нельзя придумать? Куда делись яд и нож? Почему твоей старой больной сестре надо обязательно куда-то идти и ехать?... – возмущенно фыркаю.

Тим поспешно округляет глаза:

– Мать, тебе всего двадцать восемь, рановато стареть начала. И я не то чтобы навсегда тебя уюкошить... Тыфу, ну и фантазия у тебя!

Мелкий трет озадаченно затылок.

– Может, ты хочешь типа сменить обстановку, картинку поменять... ретритнуться, так сказать?

Задумчиво грызу ноготь.

Уехать куда-нибудь...

Я, тишина и книга.

Мысль хорошая.

Страна только недавно пережила новогодний апокалипсис, и многие еще по инерции продлевают праздники, отказываясь выходить на работу.

Готова поспорить на свой ноут – все приличные отели уже давно забронированы до самых майских праздников. А в неприличные я сама не хочу заселяться.

Загородные дома стоят каких-то конских денег.

Уехать в другой город, что ли?..

– А с чего это вдруг ты стал таким заботливым? – прищуриваюсь. – Если ты собрался устроить здесь вписку, забудь! Только и мечтаю, как буду отмывать рыганину после вашей оргии!..

– Да при чем здесь это?! – взрывается мелкий. – Не соби-
рался я тут ничего устраивать!

– Серьезно, что ли? Давай колись!..

Верится с трудом.

– Все, забей! Сам разберусь, – Тимка, скорчив обиженную морщинку, уходит к себе.

Задумчиво посмотрев на эклеры, гоняю мысль.

Ему нужна свободная хата, но не для тусы с такими же лоботрясами. И про общагу не заикнулся.

Шерше ля фам? Вполне может быть...

Прошуршав следом за братом, привалилась плечом к косяку.

Мелкая бестолочь вместо того, чтобы готовиться к экзаменам, нацепив огромные наушники, режется в стрелялку.

– Ну и кто она?

Сдвинув одно «ухо», Тимка озадаченно смотрит на меня.

– О чем ты сейчас?

– Не придуривайся, я тебя как облупленного знаю. Колись, что за девочка? Я ее знаю?..

– Из параллели... – выдавливают Тимка, при этом покраснев, как синьор Помидор.

– И давно вы с ней мутите? Ей восемнадцать есть? Я надеюсь, вы предохраняетесь? А то мама внукам, может, и обрадуется, но пипирку тебе за это бантиком завяжет..

– Блин, Люб, ну не будь ты такой!.. – восклицает брат и резко осекается.

– Такой сукой, ты хотел сказать?

– Козой безрогой! – Тимка обиженно выпячивает подбородок.

– Так что за девочка? У вас все серьезно? – не сдаюсь.

– Да! То есть нет! Черт! Ты ее все равно не знаешь... И про внуков... Она... она не такая. Она очень хорошая...

У-у-у, да тут у нас всё серьезно. Сеньор Помидор влюбился в хорошую девочку.

С сомнением оглядываю поникшего Тимку.

Мой лоботряс и вечный тусовщик втюрился...

– Она хоть знает о твоих чувствах? – подхожу и ласково касаюсь Тимошкиных волос.

Глажу, как когда-то в детстве, когда он долго капризничал и не мог уснуть.

– Знает, – еле слышно выдает Тим.

– И?

– Я очень надеюсь, что она тоже ко мне испытывает подобное... – произносит совсем убито.

– Бестолочь ты моя, – тихонько обнимаю худые, но уже по-мужски широкие плечи.

А давно ли ты сама влюблялась по-настоящему, Люб?

Очень давно. Но тогда на взаимность я и не рассчитывала.

– Зови ее к нам. Я что-нибудь придумаю, – проговариваю в макушку, а Тимка стремительно разворачивается ко мне.

– Люб! Спасибо!.. И прости меня! Ты не коза...

– Не коза, но сукой бываю редкостной, – со смешком щелкаю мелкого по носу. – Не дрейфь, прорвемся!

Когда вечером мне позвонила мама, моя голова пухла от

бесплодных попыток продвинуться в написании книги.

– Тетя Зина загремела в больницу! С сердцем плохо стало. Любаш, может, съездишь проведать, гостинцев хоть заведешь? Сто лет ведь не виделись!

У маминой сестры я проводила каждое лето в деревне. Мы действительно давно с ней не виделись, я только передавала приветы и все обещала как-нибудь заглянуть...

А потом как-то так вышло, что то некогда, то машина сломалась, то болеем по очереди...

В больницу я поехала с утра, прихватив с собой пакет продуктов.

Тетя Зина на больничной койке выглядела такой уставшей и замученной, что я в первые секунды растерялась.

А где же вечно энергичная и голосистая женщина, которая успевала всё и всюду?

– Любонька, как выросла, девочка моя. Красавицей такой стала... А я вот приболела что-то, сердечко прихватило...

Присаживаюсь рядом.

– Ничего, тетя Зин. Тебя тут мигом на ноги поставят, и всё будет хорошо. – Стараюсь вложить в голос побольше уверенности. – А я вот тебе фрукты привезла... тут и апельсины с яблоками, и манго, и маракуйя и даже питахая...

– Да не стоило тратиться, детонька, – тетушка слабо улыбается. – Куда я эту твою питахарю дену?

– Витамины надо кушать! Чтобы поправиться... – Пристраиваю пакет рядом с тумбочкой. – Могу тебе вечером за-

казать что-нибудь вкусенькое из доставки. Как насчет мидий? Или нежного каре ягненка?

Тетя тяжело вздыхает:

– Да уж какие мне деликатесы? Диету держат тут, стол какой-то там у меня... Я уж просилась домой, но врач больно строгий. Нельзя, говорит. А как это «нельзя», когда у меня там курочки совсем одни остались?! Галюша наверняка не кушает толком. Да и Мурочку надо кормить... – убитым голосом произнесла тетя Зина и расплакалась.

– Ты только не расстраивайся. Тебе сейчас вредно нервничать, – я погладила тетю по морщинистой руке.

Не совсем поняла, что там за Галина у тетки обосновалась и помочь не может, но меня вдруг осенило.

Деревня, тихий зимний вайб, треск поленьев в печи... и я одна пишу свой роман!

Да это же прям то, что доктор прописал!

– Хочешь, я пока ты в больнице съезжу к тебе и за всем пригляжу? – предлагаю, и тетя тут же перестает плакать.

– А не сложно тебе, дочь?

– Ни о чем не переживай! – решительно киваю.

– Ой, Любонька, спасибо тебе! Только ведь изба у меня без всех этих современных удобств... и печку топить надо... и вода в колодце...

– Разберемся, – вкладываю побольше уверенности в голос. – Соседи на что?

– Так ведь разъехались все по городам, у нас зимой мало

кто сейчас остается жить. Старики доживают век, молодежь нынче по Мальдивам и Таям ездит. Ильинишна у внуков гостит в Москве, а Кузьмич перебрался поближе к сыну. Внучков-то его я и не видала лет пять как... Нет, вру, младший в прошлом году заглядывал, когда дом перестраивали... А вот старшего давно не видать...

На последних словах у меня как-то нехорошо ёкнуло сердце, что я с сомнением поглядела на пустую больничную койку.

Давненько меня не посещали фантомные боли... Может, и мне тут со своим сердечком полежать?

Заверив тетю, что все будет хорошо, я отправилась домой собирать сумку.

Я, деревня, пустой дом, заснеженные поля и леса кругом...

Ну разве это не знак свыше?

Допишу рукопись, подышу свежим воздухом...

Что ж, дамы и господа, пристегните ремни безопасности, место прибытия – Лопухи.

Глава 4. Лопухи

Любовь

На город обрушилась метель и к утру превратила его в непроходимый снежный лабиринт.

Коммунальщики, не справляясь с горами снега, как обычно, разводили руками, мол, «никогда такого зимой не было, и вот опять!»

В автосервисах довольно потирали руки и считали будущую выручку, ожидая наплыва клиентов после дня жестянщика.

Моя Сузучка вдруг зажгла чек, и мне пришлось оставить верную японку во дворе дома и пересесть на сани тарифа «комфорт».

Хитрый грузин, увидев конечный пункт назначения, сумки, «коробку, картонку и ма-а-аленькую собачонку», соби-рался было отменить поездку, но после удвоения суммы спешно согласился, повеселел и даже прибавил погромче радио.

Всю дорогу я слушала красивые грузинские напевы, а Кинг преданно сопел рядом.

В Лопухи мы приехали, когда уже начало темнеть.

Я так давно здесь не была, что теперь с жадностью разглядывала окружающий пейзаж.

Судя по сугробам вокруг, погода знатно потрудилась, уку-

тав в снежное одеяло деревья и дома, отчего последние казались какими-то игрушечными.

Ни одного прохожего нам не встретилось по пути.

Деревня, где я проводила каждое лето, в этот час будто вымерла.

Последние фонари остались на трассе, здесь же все было погружено в густые сумерки.

И только в аккуратных, будто сделанных из ваты домиках горел теплый свет и валил из труб дымок.

Мы крались к конечной точке маршрута почти по-пластунски, периодически вихляя по глубокой колее.

Кингуша, до этого мирно дремавший, засвистел носом и завожился у меня на коленях, всем своим видом намекая, что хорошему мальчику срочно нужно по нужде.

Прекрасно понимаю тебя, дружочек! Для меня тоже три часа стали тем ещё испытанием на прочность.

Когда до дома тетушки оставались какие-то жалкие сто метров, машина резко остановилась.

- Дальше ходу нэт, - с сочным грузинским акцентом произнес таксист, виновато разведя руками.

Нетерпеливо заерзав на сидении, я сначала с тоской оглядела снежные кручины, а потом перевела полный надежды взгляд на водителя:

- Но, может, как-нибудь все-таки попробуемся поближе? – добавила в голос нотки профессиональной попрошайки.

Но грузин не повелся и сам не менее жалостливым голо-

сом, чем мой, протянул:

- Нэт, красивая, нэ могу. Бодиши... я сильно извиняюсь, но нэ могу! Иначе встрянем здэс по самое брюхо. Кому тогда менэ толкать? Тебе, ламази?

Здраво рассудив, что одна я на своих шпильках многотонную махину из сугроба не вытолкну, со вздохом выбралась из теплого салона на мороз.

Таксист, рассыпаясь в извинениях и перемежая русские и грузинские слова, помог мне вытащить багаж: коробку, картонку, и про собачонку не забыл.

Кингуша тут же от счастья оббежал и обоссал все четыре колеса иномарке, взрыхлил носом пушистый снег, а потом ожидаемо запросился на ручки.

Со вздохом я подняла отъевшегося бульдожика и прижала его к себе, провожая взглядом такси и костеря на все лады местную администрацию.

Неужели ни одного трактора не нашлось, чтобы прочистить как следует дороги?!

Снега было столько, что я на своих шпильках ушла в него по колено, и он тут же забился мне за отвороты сапог.

Чертыхнувшись, я попыталась его оттуда вытряхнуть, но хитрая субстанция быстренько поменяла свое агрегатное состояние и тонкой струйкой залилась мне куда-то под пятку.

Вздрогнув от такого райского наслаждения, я поплотнее запахнулпа полы моей стильной эко-шубки а-ля бешеный страус и поправила шапку с кошачьими ушками, тоже дико

модную в этом сезоне.

Холод взбудрил и прогнал остатки лени, а переполненный мочевого пузырь придал мне ускорения, и я сделала первый шаг.

Глава 5. Триумфальное прибытие и шпилька

Одолев добрые десять метров, волоком таща за собой чемодан и прижимая подмышкой упитанного пса, я пришла к выводу, что блондинка это диагноз.

Ведь только полные дуры наденут в глухую деревню шпильки, а задницу укуруют тонким капроном и кашемировым платьем.

Мороз эту самую задницу успел уже как следует покусать.

Подбадривая себя матерками, я продолжила личную экспедицию через снега, сатанея с каждым шагом.

Если бы меня кто-то видел со стороны, наверняка бы принял за залетную большую птицу, которая перепутала снежные барханы с болотом.

Высоко задирая ноги, я сокращала расстояние между собой и домом, в глубине души отчаянно мечтая бросить неподъемный чемодан и тоже попроситься к кому-нибудь на ручки.

Когда впереди замаячил знакомый резной забор, я, как та самая уставшая лошадь, почуявшая родное стойло, глубоко вздохнула стылый воздух и припустила бодрой рысью.

Мысленно я уже грела озябшие без перчаток ладони, приложив их к теплой печке, а на столе меня ждали чашка горя-

чего какао и сериальчик на ноуте.

Я так воодушевилась этой картинкой, что потеряла бдительность.

Нога вдруг резко поехала куда-то вперед, и я, по-птичьи взмахнув рукой, полетела...

Вот только не вверх, а вниз.

Снег взметнулся надо мной салютом и тут же набросился на открытые шею и лицо.

Ахнув от жалящих укусов, я спешно завозилась, пытаюсь встать.

Но только напрасно дергалась, проваливаясь все глубже в сугроб - нога застряла так капитально, что ни в какую не желала вытаскиваться из ледяной ловушки.

В капюшон набилась гора снега, и я сердито вывернула его наружу.

Кинг крутился рядом, тыкаясь мне в лицо мокрым сопливым носом и тихонько поскуливая.

Где-то грозно залаял пес, и мой француз в ответ тоже начал верещать.

Отпихнув морду Кинга и задев на его ошейнике маячок, я попыталась сесть.

Вышло это у меня только со второй попытки.

Сапог что-то крепко держало, и я только бестолково держала ногой.

Да что за херня?!

Чертыхнувшись от души, я что было сил потянула конеч-

ность на себя и таки выдернула, как гребаную репку...

Вот только не всю.

Пятка сапога осиротела и лишилась шпильки!

На секунду потеряв дар речи, я только и могла, что хлопнуть глазами и открывать рот.

Мои новенькие сапожки!

Два моих гонорара, мать его за ногу! Лимитированная коллекция!

Зарывав не хуже злобного пса за забором, я встала на четвереньки и стала разгребать снег.

Нет, нет, мы обязательно починим их! Еще не все потеряно!

Кинг, увидев, чем занята хозяйка, тут же охотно включился в новую забаву.

Матюгнувшись особо сочно, когда снег от собачих раскопок полетел мне в лицо, я с победным рыком достала свой отпавший каблук.

Но радость моя была недолгой, потому что металлическая шпилька была зверски погнута пополам.

Не успела я погоревать над убитой «моей прелестью», как зов природы стал совсем уж громким и нестерпимым.

Боясь опозориться, и как в детстве напрудить себе в колготки посреди утренника, я с нечеловеческой сноровкой сгребла свои пожитки вместе с кряхтящим псом, придала себе ускорение и успешно преодолела оставшиеся двадцать шагов без приключений.

Надеюсь, мое триумфальное прибытие в Лопухи осталось без внимания зрителей.

Глава 6. Дед Митяй и чертовщина

Деда Митяя разбудили брехня Мухтара и жажда, по обыкновению возникавшая всякий раз, как он прикладывался к самогону.

На этот раз она была особенно нестерпимой, но и уговорил он лишку.

Почитай, почти весь бутыль.

Но самогон у Филимонихи всегда знатный выходил, и перебрать такого было не грешно.

Сама Филимониха была редкостной породы склочных и вредных баб, но продукт всегда варила отменный.

Ядреный, чистый, как слеза младенцева, и убойный, как любимая дедова двустволка ТОЗ-БМ, с которой он и на зайчишку, и на волка ходил, и тетерева бил.

Ложе из ореха, металлическое цевье, горизонтальные стволы...

Песня, а не ружье!

Настоящая классика русской охоты, а не все эти новомодные оптики-хреноптики...

Да, молодежь жаловалась, мол, с возведенными курками по бурелому не полазишь... Да только на это Дмитрий Никанорович всегда говорил, что на охоте не хайло надо разевать, а о безопасности думать в первую и последнюю очередь.

И в буреломе соваться нечего – шуму только наделаешь. Зверя надо выслеживать аккуратно, тихо...

А курки... их возвести дело секундное, ежели сноровка есть да опыт.

О своей двустволке дед Митяй заботился, чистил и смазывал маслицем, берег.

И сейчас, глянув в окно, вдруг неосознанно потянулся себе за спину... и схватил пустоту.

Подслеповатые глаза раскрылись широко-широко, волосы на плешивом затылке зашевелились, а по спине побежали позорные муравьи-мураши, чего с Митяем давненько не случалось.

Почитай, как на медведя ходил в семьдесят восьмом, так и не боялся больше ничего.

Мухтар продолжал заливаться басовитым лаем, а у деда от страха язык присох во рту.

На дороге за околицей, почти у самого дома, застыло нечто.

Было оно огромным и мохнатым.

Склонившись низко к земле, туша принюхивалась.

Звуки при этом издавала она мерзейшие, то ли рычание, то ли лай, то ли какое-то бормотание на неведомом деду языке.

Голову неведомой твари венчали два острых рога, но страшнее всего были глаза! Точнее, один огромный глаз!

Красный, горящий как раскаленные угли!

Им тварь осматривала все вокруг, а потом повернула башку аккурат в дедову сторону.

Отскочив от окна, Митяй вмиг протрезвел.

От страха затряслись поджилки, и дед размашисто перекрестился, глянув на образа.

Бросив взгляд на улицу, где бесновалась и рычала тварь, Митяй сперва ломанулся проверить крепкость засова на двери, а потом схватил любимое ружье.

Возведя курки, дед осторожно выглянул в окно, но нечисти и след простыл.

- Чертовщина какая-то, - утерев выступивший на лбу пот, прошептал Дмитрий Никанорович. – А ведь старая ведьма говорила, что до чертей допьюсь...

Позже, услышав вой и рычание, доносившиеся со стороны ныне опустевшего Зинкиного дома, дед Митяй окончательно уверился – беда явилась в Лопухи.

Глава 7. Пирожки и баня

Любовь

Странно – ключа в привычном тайничке под первой ступенькой не оказалось.

Осторожно потянув на себя дверь, я поняла, что та и не заперта вовсе.

От нехорошего предчувствия заныли давно удаленные «восьмерки» и резко захотелось в туалет.

Торопливо нащупав на стене выключатель, разогнала тьму по углам просторных сеней.

- Есть кто дома? – осторожно позвала.

Но мой вопрос остался без ответа.

Выждав пару ударов сердца, решилась действовать, и, поскрипывая половицами, поспешила в дом.

Где-то за стенкой тихо завозились и заквахали теткинны куры, привлеченные шумом.

Кинг, услышав «соседок», нетерпеливо заерзал у меня в руках, и я спустила пса на пол.

В комнате, объединившей в себе и прихожую, и кухню, и столовую, никого не было.

Зато на весь дом умопомрачительно пахло пирожками.

А сами виновники обильного слюнотечения нашлись на столе. Под белоснежной салфеткой на блюдечке с каймой из розочек...

Неужто неведомая Галина напекла? Ну тогда стоит успокоить тетку, что голод тут ей точно не грозит.

Успокоившись и цапнув один румяный пирожок, на укус оказавшийся с капустой, я на всякий случай обошла остальные две комнаты.

Но зала и небольшая спальня были погружены во тьму и также безлюдны.

На кухне мерно тикали старинные ходики и деловито дребезжал холодильник, на проверку оказавшийся забитым продуктами.

На стене висели какие-то грамоты, а новомодная плазма была заботливо прикрыта кружевной салфеточкой.

Если не считать нас с Кингом и вновь притихших курей, то в доме больше никого не было.

Таинственная Галина наготовила снеди и исчезла.

Хмыкнув, я оставила бульдога за главного, а сама, сменив убойные шпильки на теткины сапоги «прощай молодость», порысила в конец сада.

Там, под раскидистой сиренью, меня ждал деревенский сортир, казавшийся мне сейчас самым желанным местом в мире.

Сделав свои дела и облегчив не только душу, я с чувством глубокого удовлетворения шагала обратно в дом.

Снег хрустел под ногами, а мои мысли крутились вокруг незапертой двери.

Могла ли соседка Галина оказаться вовсе без мозгов и за-

быть закрыть дом на замок?

Опыт подсказывал, что чего только в жизни быть не может.

Но стряпает она вкусно!

При встрече обязательно поблагодарю за выпечку и напью дамочке, что дом следует запирать.

Так ведь и люди лихие могут заглянуть на огонек... И вынесут и плазму, и древнюю «Свиягу», и ходики...

Откуда-то со двора черной тенью ко мне под ноги бросилась кошка. Мурлыча, потерлась о сапоги.

- А ты, наверное, Мурочка? – присев, я погладила выгнувшую кошачью спинку. – Пойдем, я тебе вкусенького дам...

Но Мурка, вопреки моим призывам, задрал хвост, гордо прошествовала на другой конец огорода.

Я проводила ее взглядом и обомлела...

В бане горел свет, а из трубы клубился парок, устремляясь в усыпанное звездами небо.

Еще в детстве я уяснила, что оставлять огонь без присмотра нельзя. Он безалаберности не прощает.

Надеюсь, там намывается неведомая Галина, а то ее забота обо мне – и пирожки, и банька – может выйти боком.

Пока в моем представлении эта доброхотка кажется странной, если не сказать хуже...

Хотя, может, там тоже глубокое поражение мозга на фоне прогрессирующей блондинистости?

Решив проверить свою догадку, я зашагала в сторону по-

стройки.

Из бани отчетливо доносились голоса.

Глава 8. Ундина, Дима и свингеры

Любовь

Из бани отчетливо доносились голоса.

Женский что-то нежно ворковал, а ему вторил мужской баритон.

Я выдохнула с облегчением – все-таки Галина там. Но тут же озадаченно застыла перед дверью.

И не одна.

Про спутника тетя Зина не упоминала.

В задумчивости я закусила губу и поправила очки.

Войти? Не войти?..

Неудобно как-то получится... люди, считай, дело доброе делают, по-соседски приглядывают за домом... помыться вот решили, а тут я ворвусь...

Здрасьте, я приехала!

Поток моих угрызений совести нагло прервали:

- Улька, ты чего там сиськи мнешь? – громко раздалось из парной, и я вздрогнула.

Имя Галина точно так не сокращалось... а значит... а значит, там точно этой самой Гали нет.

Зато есть какая-то Улька!

- Да сейчас, Дим! – пропела в ответ неведомая девица.

Я от негодования сжала кулаки.

Это что получается?! Кто-то внаглую в чужую баню залез?

Галя, у нас отмена!

- Иди сюда, помну их тебе... - не унимался мужик.

«Вы еще потрахайтесь тут!» - хотелось крикнуть мне, но вместо этого я прихватила из поленницы чурку -удобный таковой снаряд - и решительно распахнула дверь.

Ну сейчас я вам задам!

Первыми, что я увидела, были упомянутые мужиком сиськи.

Маленькие, с острыми сосками, они были приделаны к стройному – я бы даже сказала тощему – юному телу.

Тело это предельной степени голожопости, пронзительно взвизгнув, уставилось на меня огромными испуганными глазами.

Из парной доносились громкие шлепки и вздохи.

- Ты кто? – спросила меня девица, прижимая к себе таз на манер щита.

Хороший таз такой. Эмалированный, с уточками на боку.

Тяжелый, наверное. Такой если запустить как снаряд, то нокаутирует сразу же.

Но вряд ли голожопая ундина помышляла о подобном сценарии.

Переминаясь, она не сводила пристального взгляда с полена в моей руке.

- Я Люба, а ты? – вернула ей подачу, растягивая губы в оскале.

- У-уль...У-ульяна я, - справившись с непослушной глас-

ной, пролепетала девица.

- А делаешь ты тут что? – задала я самый очевидный вопрос.

Ну да, в бане же дофига чего можно делать... шить, вышивать... в шахматы турниры устраивать...

Но это «моя» баня! И никаких лишних жоп тут быть не должно!..

- Улька, ты там уснула? У меня стояк каменный! - подал голос любитель турниров, чем привел меня в бешенство за секунду, а в моей голове уже созрел план мести.

- Сейчас иду, милый! – ответила я вместо застывшей сурикатом Ульки.

Подложив в подтопок полено, я обратилась к девице самым милым голосом:

- А он мне все говорил: «Сюрприз тебе будет, Люба!» Я-то уж грешным делом подумала, что собаку притащит домой. А тут ты, моя хорошая... Ну что встала, как неродная? Бери веничек, да пойдем попарим моего муженька...

- К-как му-мужа? – проявляя чудеса в обращении не только с гласными, но и согласными, пролепетала эта банная нимфа.

- Как, как? Очень просто... люди в ЗАГС заходят, там недолго тусят, а потом выходят оттуда законными супругами... - развожу руками.

- Но Дима не говорил мне... - Уля, все еще прижимая к себе таз, испуганно перевела взгляд с меня на дверь.

Из-за нее доносились плеск воды и громкие вздохи...

Надеюсь, этот неандерталец там не своим стояком воду баламутит?

Я едва сдержалась, чтобы не скорчить гримаску брезгливости.

- Ой, да ты не стесняйся... дело это семейное, мы не первый раз так развлекаемся. И ты все же куда милее собаки! Они вечно что-то грызут, а могут и в тапки нассать!.. – доверительно сообщила, внутренне прося прощения у Кинга. Мой ушастик не испортил ни одной пары обуви.

Не хуже профессиональных зазывал, я несла этот бред, не забывая прислушиваться к звукам за дверью.

Слышал нас любитель легкого пара и полуголых девиц или нет?

А то сейчас как выпрыгнет со своим стояком наголо...

- Вы свингеры, что ли? – как-то обреченно выдала Уля и даже таз опустила.

А я часто-часто закивала:

- Они самые! Сейчас еще друг подойдет, и начнем... А еще по четвергам у нас БДСМ-сессии проходят, ты приходи, у меня хлыстов на всех хватит!..

- Пи#%*, - глубокомысленно изрекла Ульяна и начала спешно одеваться. – И он мне еще что-то затирал про одинокого волка...

«О, сколько тебя еще ждет открытий чудных!» - подумала я, когда Ули и след простыл.

- Сейчас чью-то жопку покусая, если не нарисуешь ее! – подал голос одинокий волчара Дима.

Ну ты сам попросился, живописец хренов! Щас так «на-рисуюсь», не сотрешь!..

- Бегу!

Схватив ведро с ледяной водой, я дернула дверь на себя и переступила порог...

Друзья, если вы любите сюжеты с комичными и нелепыми ситуациями (да-да, прямо как здесь), приправленные романтикой, эротикой и совсем немножко гороскопами, то я приглашаю вас в историю Мужчина моей мечты, или Овны мимо! -<https://litnet.com/shrt/g8al>

В один день Марина потеряла перспективное место работы, жилье и все деньги. Зато приобрела неожиданного соседа по квартире, кота и нервный тик. Богдан Тигранович Алиханов настоящий самодур и тиран. Его предложение - сыграть невесту - сумасбродно! И вообще, звезды говорят, что с Овнами не стоит иметь никаких дел. Но, кажется, Марина решила наплевать на все знаки судьбы и согласиться.

“Ну, держись, Тигрейшество, ты еще долго будешь помнить уикенд со мной!”

Глава 9. Мечта

Любовь

- Да как он только пос-с-мел?! – шипела я, вытряхивая снег из обуви.

Ступни в сырых насквозь колготках неприятно липли к половицам.

Задницу пекло. Будто снова настегали крапивой, как в далеком детстве.

- Ур-р-од!!! Мерзкий гоблин! Питекантроп безмозглый! – разорялась, стащив промокшие шубу и шапку.

Уши тоже горели, как и щеки... и все остальные места, успевшие познакомиться со снежной ванной.

Но задницу почему-то было жалче всего.

Наверное, потому, что ей досталось еще и от этого неадекватата.

- Да я тебя засужу за рукоприкладство, яйценосец хренов!

Кинг обеспокоенно следил за моими метаниями по комнате, пока я судорожно искала телефон.

Меня все еще потряхивало от того, что произошло в бане.

Когда я шагнула в парную, меня обдало влажным жаром.

Очки моментально запотели, и их пришлось сдвинуть на лоб и близоруко сощуриться... чтобы увидеть это!..

Развалившись на полке, откинув голову назад и прикрыв

глаза, сидел он...

Ожившая мечта!..

Персонаж всех эротических снов, король влажных фантазий и самый горячий во всех смыслах мужчина.

Он будто шагнул из придуманной истории в реальность.

Накачанное тело, со всеми этими бицепсами-трицепсами, кубиками и «зубчиками».

Влажная от пота кожа блестела в теплом свете лампочки. Тени рисовали умопомрачительный рельеф.

Грудь мерно ходила от глубокого дыхания, приковывая взгляд к литым мышцам.

Не дыша, я жадно фиксировала детали.

Прядь темных волос, падающая на лоб. Четкая линия подбородка. Легкая небритость. Крупные ладони, расслабленно лежащие на коленях...

И только эрекция гордо вздымалась вверх во всей своей красе!

На этом элементе познавательной анатомии я залипла чуть дольше.

А там было на что посмотреть и чему позавидовать.

Впервые за долгое время я поняла, почему моих героинь вот так внезапно «предавало тело».

Странно, но он мне даже показался знакомым... будто мы где-то уже встречались.

- Иди сюда, - не открывая глаз, тихо позвал меня незнакомец.

Властно, требовательно. Будто и не сомневался вовсе, что можно в здравом уме послушаться.

Позвал так, как должны звать всех глупеньких девиц опасные пластелины... чтобы у тех самых девиц мозг превращался в овощное рагу, а ножки сами собой разъезжались.

Люба, очнись! У тебя чужой мужик тут развалился с голой жопой, а ты слюни овощные роняешь!

Тряхнув головой и смешно крикнув, я поднатужилась и выплеснула воду прямо на этого эротомана.

- Размечтался!

Глава 10. Справедливость и очки

Любовь

Ахнув, мужик разразился потоком брани, а потом взревел не хуже медведя:

- Ты совсем, дура, сбрендила?! – Спрыгнув с полка, он уставился на меня с яростью.

- Сам дурак! Не будешь по чужим баням лазить! – крикнула я в ответ, держа ведро наготове.

- А ты вообще кто такая, чтобы мне указывать?! — он сделал шаг вперёд, сократив и так ничтожное расстояние между нами.

Карие глаза метали молнии. Капли ледяной воды стекали по его лицу и телу.

И я невольно проследила их путь до самого члена, опасно торчащего в мою сторону.

Сглотнув, подняла взгляд и воинственно задрала подбородок.

- Я хозяйка этого дома, и я не позволю здесь хо... - запнулась, снова скосив глаза на качающееся «хозяйство» мужика, и закончила, дрожа от гнева: - Хозяйничать!

- Ах, хозя-я-йка! - протянул мужик, нехорошо так ухмыляясь. – Ты хоть понимаешь, что ты сделала?!

- Прекрасно понимаю! - И я выплеснула остатки воды прямо ему под ноги. – Пошел вон отсюда, пока я ментов не вы-

звала!

- А вот это ты зря сделала, коза рогатая, - тихо и угрожающе изрек мужик, а потом схватил меня за руку.

Ведро с грохотом покатилося по полу, а я вдруг оказалась прижата к горячему твердому телу.

Не успела я и пискнуть от страха, как меня скрутили и перекинули животом через колено.

Шубка задралась, шапка упорно лезла в глаза, а очки и вовсе слетели.

- Ты что себе позволяешь?! – завопила я, пытаюсь вырваться из захвата.

- Восстанавливаю справедливость, - прозвучало насмешливо.

А потом мою ягодицу обожгло!

- Ай! - Я задохнулась от возмущения и шока.

Он что... он сейчас меня шлепнул по заднице?!

- Т-ты?! – растеряв весь свой словарный запас, только и смогла выдохнуть.

Больно-то как!

- Я, я... - В подтверждение этого тяжелая ладонь еще трижды прошлась по моей многострадальной ягодице, всякий раз прижигая ударом.

Меня никто и никогда не бил! И уж тем более так унизительно!..

Злые слезы вскипели на глазах, и я, не выдержав, громко шмыгнула носом.

Экзекуция тут же прекратилась, и меня быстро вернули в вертикальное положение.

- Эй, да ладно тебе... не так уж и зверствовал я... - как-то растерянно протянул Дима.

Да что б ты еще понимал в женских слезах!

И пока я приходила в себя, этот наглец успел намотать вокруг бедер полотенце, прикрыв наконец-то срам.

- Давай поговорим спокойно, я же... - начал он и сделал шаг ко мне, когда раздался тихий треск. – Ой...

Мои слезы моментально высохли.

Если вы очкарик со стажем, то хоть раз в жизни вы наверняка слышали этот леденящий душу хруст оправы и линз.

И этот звук навсегда останется в вашей памяти, как и сумма новых очков взамен почивших.

А я скажу вам, что ценники сейчас на линзы конские... а уж оправы!..

И когда под голой пяткой немытого неандертальца сломались мои любимые очки, я, взревев, бросилась на него пантерой.

Наша Люба себя в обиду не дает)) Как она его, а?) За всех обиженных очкариков ему сейчас воздаст!

А если вы любите дерзких героинь, то предлагаю вам заглянуть в мой роман - Беда майора Волкова, в котором Яна Горячева дает проср... стране угля... не дает соску-

читься одному упрямому оперу Андрею Волкову! ## <https://litnet.com/shrt/rDeC>

Всех обняла, ваша Ника!

Глава 11. Сугроб, банщик и табурет

Любовь

Нанося хаотичные удары по широким плечам и груди, я не переставала осыпать идиота потоками брани.

Один удар даже пришелся аккурат по уху мужлана.

– Ты больная?! – крепко ухватив меня за одну руку, закричал он.

Через секунду и вторая рука оказалась прижата к телу, а я сама – спиной к груди этого бабуина.

– Это были Вог! – дергаясь, провыла я.

А потом со всей силы опустила сапог на голую мужскую ступню.

Скажу вам, что эффект от шпильки был бы поубойней, но даже крепкой резиновой подошвы «прощак» хватило для того, чтобы мужик болезненно охнул... и сжал меня в медвежьих объятиях еще сильнее.

Задушенно пискнув, я собралась повторить фокус и с правой ногой, но тут над ухом прозвучало:

– Давай-ка остынем! – И меня как пушинку подняли на руки.

Инстинктивно я вцепилась обеими руками в крепкую шею наглеца.

В голове пронеслось паническое: «Вот сейчас он меня утащит куда-нибудь в укромное место, прибьет и прикопает по-

тихому...»

Шагнув со мной за порог бани, будущий маньяк Дима, резко отпустил меня... в глубокий сугроб.

Снег сомкнулся над моей головой, отрезая все звуки, оставляя жалящие ледяные укусы на лице, шее и груди.

Контраст от обжигающего пара в бане и снега был такой, что я на мгновение отключилась от реальности.

А потом заработала руками с утроенной силой, выгребая себе путь на поверхность.

Ну сейчас ты у меня получишь!

Но когда я поднялась на ноги, вся мокрая и облепленная снегом, голожопого банщика и след простыл.

– Я этого так не оставлю, слышишь?! – крикнула я на случай, если он прятался где-то неподалеку, и направилась к дому.

Сети не было. Вообще. Никакой.

Сколько бы я не перезагружала телефон и не врубала режим «самолет», экран упорно показывал ее полное отсутствие.

– И они еще что-то там говорили про покрытие по всей стране! Халтурщики, – ворчала я, поправляя сползающие с носа теткин очки.

Окуляры я нашла здесь же, на трюмо. Вид они имели жутко бабушачий.

Черная круглая оправка с цепочкой и толстенные линзы де-

ляли меня похожей на чокнутую предсказательницу Трелони, что еще сильнее вызывало глухую тоску по испорченным «вогам».

– Черте что! – выругалась, присовокупив парочку непечатных слов, по десятому разу обходя дом.

Маму всегда расстраивало, что я бранюсь как сантехник с двадцатилетним стажем борьбы с гов... с застоем в унитазах.

А я ей говорила, что мат обладает волшебным свойством сокращать тысячи ненужных слов в одно.

Вот и сейчас я выразила все свое негодование в одном ёмком «бл#%», и – чудо, не иначе! – сеть вдруг нашлась.

Аккурат посреди комнаты с натянутой бельевой веревкой и забытым на ней полотенцем.

– Ага, попалась! – Я едва удержалась от победного танца папуасов.

Но стоило мне набрать три цифры и нажать кнопку вызова, как сеть снова исчезла.

– У них тут из операторов «Сосна Мобайл» и «Пень 2», что ли? – раздраженно топнула ногой, а потом подняла руку повыше.

Сеть снова издевательски появилась.

– Так, – я быстро огляделась и притащила табурет.

На первый взгляд он показался мне вполне надежным, но стоило встать на него, как он подозрительно подо мной зашатался.

Будем надеяться, что не развалится.

Отведя максимально руку в сторону и встав на носочки, я ухватилась для равновесия за веревку.

В момент, когда меня уже соединили с оператором, произошли три вещи: табурет подо мной как-то подозрительно громко хрустнул и резко ушел из-под ног; веревка лопнула и туго обвилась вокруг шеи; а в дверь вошел... банщик!

Глава 12. Очкастая и Демьян

Любовь

Я только успела задушенно ахнуть, как он, крепко матюгнувшись, вмиг подскочил ко мне и подхватил... да за мою многострадальную задницу и подхватил, не дав окончательно сверзнуться на пол.

На секунду мы так и застыли.

Он, сжимая мою пятую точку, и я, клещом вцепившись в его широкие плечи.

«И даже не голые», – мимоходом отметила про себя. Вполне себе одетые...

Рывком освободив меня от удавки, незванный гость потрянул меня как тряпичную собачью игрушку и взревел не хуже своего древнего предка.

– Ты совсем сбрендила?!

Опешив на мгновение и даже забыв про съехавшие на подбородок очки, я шлепнула по твердому плечу:

– А ну, пусти, мужлан!

Удивительно, но на этот раз грубиян не бросил меня, как давече в сугроб, а аккуратно поставил на пол. Но рук своих медвежьих с моей талии так не убрал.

Пальцы на ногах тут же прижгло холодом, и я их поджала. А вот от мужских ладоней шел жар, проникая под кожу и заставляя меня нервничать.

– Какого черта ты приперся?! Я не шутила, когда сказала, что вызову полицию... - голос неожиданно осип, и мне пришлось откашляться. - Д... кха-кха... да убери ты свои лапы! Чертов табурет... чертова веревка... чертов банщик! Шагнув назад, я свирепо уставилась на объект своего гнева.

Банщик Дима отзеркалил в ответ точно таким же взглядом.

– И хорошо, что вовремя успел! Иначе... Ты совсем головой повредилась, да? В петлю полезла!..

О чем он?

Я вылупилась на него.

Он думает, что я? Что я тут собралась...

– Вот кто здесь больной, так это ты, придурок! – шиплю рассерженной кошкой. – Я позвонить пыталась, кто же знал, что здесь связь ловит только на чердаке!

– Видать, Бог тебя уберег, а то бы еще шею себе свернула, пока карабкалась по лестнице под крышу, – язвительно протянул этот питекантроп и руки на груди сложил.

Нацепив очки на их законное место, окинула наше побоище.

Табурет развалился, веревка печально свесилась до самого пола, а Кинг спрятался под стол, и оттуда доносилось только его громкое сопение.

Банщик застыл огромным инородным телом рядом, но нападать на меня не спешил.

Странный мужик, но почему он все-таки кажется мне таким знакомым?

Прочистив горло, я спросила вполне миролюбиво:

– Эм... Дима, да? Так чего ты хотел-то?

Ухмыльнувшись, банщик покачал головой:

– Ну ты даешь... Не узнала, что ли, Очкастая?

Услышав свое старое прозвище, вздрогнула и внимательно взглянула на мужчину напротив. И щеки вдруг зажгло так, будто я снова в парной.

Никакой он не Дима... я просто ослышалась.

Дима, Дёма...

Кривя губы в усмешке, на меня нахально смотрел Демьян Морозов.

Мой сосед, заклятый друг детства... и моя первая любовь.

Ну, что, мои котики, вот мы и познакомились почти со всеми героями моей юмористической эро-новеллы## Простим Демьяну обидное прозвище или страшную мстю нанесем? Что думаете по этому поводу?

А еще у меня к вам вопрос: как думаете, стоит чуть подробнее рассказать о детстве наших героев и их первом знакомстве? Жду ваши ответы в комментариях!

Всех обняла-приподняла, ваша Ника##

Глава 13. Назад в детство

Много лет назад

– Люб, а ты точно уверена, что лягушку надо раздавить? – с сомнением проговорила Лика и прихлопнула комара на щеке, оставив на ней серый отпечаток. – Жалко же...

– Не знаю, – пожала я плечами.

Мне от одной только мысли прикоснуться к скользкой лягушачьей коже становилось не по себе.

– Но на той неделе тетя Зина, как увидела такую... сплюсненную на дороге, сразу сказала, что к дождю.

Дождя в деревне не было давно.

Стояла жара, и к полудню хотелось сбежать на речку или спрятаться в прохладе дома – пить подслащенный квас и смотреть мультики.

Но дома тетя Зина второй день крутила банки на зиму, заставляя по сто раз сбежать на огород то за венчиком укропа, то за листьями хрена.

А сегодня и вовсе с утра отправила выдергивать сорняки вместо Людки, которые всегда-то так быстро вылезали после ее прополки.

Хитренькая Люда только делала вид, что пропалывает грядки, сама же пряталась в тени большого куста смородины, листала там журнальчики и свой облупленный нос под солнце не высывала. А стоило только часам отбить трижды –

собиралась с подружками на речку.

Мне тоже очень хотелось купаться, а не воевать с крапивой и «березкой».

Одну меня не отпускали, а противная двоюродная сестра никогда не брала с собой.

«Вот еще, следить там за тобой! Я в няньки не нанималась!» – поджимала она недовольно губы. – «С мамкой сходишь...»

Люда была старше меня на десять лет, и я дико ей завидовала.

Она была высокая, стройная и, как она сама любила говорить, с ногами от ушей.

Не знаю, мои вот ноги росли из жопы, а не из ушей, но такими длинными, как у сестры, и близко не были.

А еще у Люды были длинные темные волосы, густые ресницы и родинка, которую та подкрашивала специально карандашом, а иногда рисовала ей рядом соседку вместо вскочившего прыща.

Еще Люда носила лифчик, но зачем-то набивала внутрь его вату...

Вечерами она с подружками ходила гулять. Они собирались шумной стайкой и, смеясь и весело переговариваясь, отправлялись на дискотеку.

Люда всегда приходила под утро и спихивала меня на край кровати, укладываясь у стенки, а потом спала, смешно открыв рот.

И мне тоже хотелось так!

Рисовать себе родинки, ходить на речку и гулять по ночам.

А еще очень хотелось стать взрослой!

Ведь тогда мне будет можно все!

Не спать до утра.

Смотреть по телевизору кино, где люди целуются, и никто не будет закрывать ладонью глаза, приговаривая, что я маленькая еще для таких вещей.

Ходить на дискотеки, учиться в университете, а потом найти себе самую настоящую работу!

В своих мечтах я работала продавцом и целыми днями могла есть мороженое и конфеты. И самое главное – не платить за это!

Лика мечтала стать космонавтом, чтобы слетать на Луну или Марс.

Мне казалось, что это ерунда какая-то – парить вверх тор-машками посреди темноты, а Лика говорила, что в моем магазине всегда будет пахнуть, как в нашем, деревенском, – килькой и прокисшим молоком.

И мы даже один раз поругались с ней из-за этого. Правда, потом помирились и обещали никогда больше не ссориться.

– А если не поймает, то, что делать тогда?... – спросила Лика, с остервенением расчесывая место укуса.

Щека у нее уже была распухшая и красная, как помидор. Да и вторая радовала точно таким же цветом.

– Поливать мне огород ещё неделю, – грустно подытожила я, жалея что попалась на уловку Людки.

Дело было так.

Однажды, когда мы играли с Ликой в прятки, я за баней застала Люду... и не одну.

Сестра была с мальчиком. Они постоянно хихикали, переговариваясь шепотом, и иногда даже целовались, напоминая противных жаб. Заметив меня, сестра отскочила от мальчика, как в одно место ужаленная, зашипела на меня и толкнула в крапиву.

Рева и размазывая слезы по щекам, я побежала жаловаться к тете Зине и не забыла рассказать, где и с кем видела ее дочь.

Людке вечером всыпали по первое число за то, что она «тискалась с этой шпаной» Золотаревым. И по второе тоже. За то, что грядки не политы, и из-за этого перец «упал», а помидоры «повисли».

Людка потом очень долго на меня злилась, отбирая ночью одеяло и грозя чудовищем под кроватью, которое мне обязательно откусит пятку.

Пятки я прятала и полночи жалась к сестре под бок, боясь упасть прямо в лапы подкроватного монстра.

Но, когда я разбила вазочку с вареньем, сестра не выдала меня тётке. Люда сказала маме, что это она уронила.

С меня же она взяла слово, что я буду за неё поливать огород.

И вот уже целую неделю я носилась с тяжелой лейкой, которая отбила мне все коленки, а коварная Людка снова убежала на речку.

Поэтому дождь мне был очень-очень нужен.

Глава 14. Чужаки

Много лет назад

На пруду, куда мы пришли с Ликой, прихватив сачок и большую трехлитровую банку, которую я стащила у тетки, раздавались голоса и громкий плеск воды.

Мы с Ликой удивленно переглянулись.

Об этом месте нам рассказал Ликин дедушка, и мы по праву считали тихий небольшой прудик своим тайным убежищем.

Воды здесь было немного, едва доставало до груди, зато ветви огромной ивы надежно прятали небольшой бережок и мостки от посторонних глаз.

Обычно, мы с Ликой играли здесь в куколки, плели друг другу венки из одуванчиков и ловили сачком стрекоз.

Легче всего было поймать больших. Они, напоминая чем-то «кукурузники», лениво перелетали с места на место. Могли запросто сесть на макушку, будто нарочно громко стрекоча крыльями и предлагая поиграть в догонялки.

Правда, кусались они зверски!

Но охотились мы за другими.

Тоненькие с прозрачными крыльями, украшенными большими темно-синими пятнами, эти стрекозки стайками носились над водой.

Красивые.

Юркие, они ловко от нас улетали, стоило лишь пошевелиться и протянуть к ним руку.

Но сегодня нам было не до этих прекрасных созданий.

Осторожно выглянув из-за ствола ивы, мы обнаружили нарушителей.

Мальчишки! Двое.

Белокожие, чем сильно отличались от местных ребят, они с хохотом и гиканьем прыгали с мостков в воду, поднимая тучу брызг.

Я досадливо поджала губы.

Наверняка эти чужаки своими воплями распугали всех лягушек в округе.

Очередной вечерний забег с лейкой по огороду угрожающе замаячил передо мной.

А вредная Людка опять гулять пойдет!

У-у-у. Не хочу!

От этой несправедливости руки сильнее стиснули банку, и я, не выдержав, шагнула вперед.

– Эй! Это наше место! – закричала я, и мой голос гремел от обиды.

На мгновение воцарилась тишина.

На меня уставились две пары глаз. Удивление на лицах быстро сменилось на нахальные улыбки.

И тот мальчишка, что был помельче ростом и щеголял с дыркой вместо переднего зуба, нахально заявил:

– А здесь подписано, что ли? Где хотим, там и купаемся!

А голос у него был такой противный.

Ли́ка тоже вышла из-за ивы, держа в руках сачок.

– Мы первые это место нашли!

– Ну и что?! Зато мы первые сегодня сюда пришли! – завопил беззубый и показал нам язык. – Так что валите отсюда сами.

Второй мальчик, отфыркиваясь от воды, залез на мостки. Был он на голову выше того беззубого, и волосы его были темнее.

– Мы вчера сюда уже приходили, и здесь никого не было, – сказал он, а потом, разбежавшись как следует, снова прыгнул в воду, окатив нас брызгами.

– Ай! – взвизгнула Ли́ка. – Да вы так нам всех лягушек перепугаете!

– Целоваться, что ли, с ними собралась, а, Помидора! – ответил ей этот противный мальчишка.

Ли́ка машинально схвати́лась за щеку, прикрывая след от аллергии. У нее всегда была такая реакция на укусы насекомых.

– Сам дурак! – крикнула я, заступаясь за подругу. – И говорить сначала правильно научись... Тоже мне, жаба важная в трусах!

– А ты вообще, Очкастая, молчи, за умную сойдешь! – кривлялся беззубый.

После этих слов у меня будто пелена упала перед глазами, а потом рука сама собой зачерпнула ком жирной вонючей

грязи.

Глава 15. Морозовы

Много лет назад

Вот тебе, Жабенок! – швырнула снаряд в обидчика и попала тому точнехонько в живот. – Это за Очкастую!

Лица азартно подскочила к мальчишке и шлепнула его сачком по заднице.

– А это за Помидору!

Ойкнув, мальчишка бросился в воду, и уже оттуда нас обстреляли водой.

Мы снова закидали их грязью, а потом я притащила из кусов крапиву.

Ею я охаживала мальчишек по рукам и спинам, гоняя их по мелководью.

Крик стоял на всю деревню.

Раздухарившись, я потеряла бдительность.

Ко мне подскочил тот, что был повыше... и я, потеряв опору, вдруг оказалась в воде.

Она темным пологом сомкнулась над головой, отсекая все звуки. От неожиданности я открыла рот и хлебнула воды.

Закашлявшись, я вынырнула на поверхность, протирая вдруг ослепшие глаза – очки куда-то слетели.

Во рту остался мерзкий привкус тины, а в глазах вскипели злые слезы.

Лица сидела на берегу и пыталась оттереть грязь с лица.

– Держи своего принца, Очкастая! Только не зацелуй до смерти! – с этими словами высокий мальчик подскочил и смеясь что-то запихал мне за шиворот.

Оно было скользкое, холодное, а еще оно шевелилось!

Мамочки!

Завизжав, под громкий хохот я выбежала из воды.

– Вытащи, вытащи ее!!! – кричала и крутилась на месте.

Жаба копошилась у меня где-то в районе поясницы, но мокрая одежда, прилипнув к телу, мешала ее достать.

Мальчишки, весело гогоча, собрали свои вещи и укатили от нас на велосипедах.

– Да не дергайся ты! – Лика с засохшими разводами грязи на лице подскочила ко мне.

Вдвоем мы смогли вытряхнуть жабу, и та, обиженно квакнув, скрылась от нас в кустах.

Потом мы долго искали в мутной воде мои очки, но они упорно не хотели находиться.

Промокшие и все чумазные мы шли домой.

Я расстроено думала о том, что это были вторые мои очки за лето.

Первые я разбила, неловко уронив на асфальт.

– Я не считаю тебя Очкастой, – вдруг тихо сказала мне Лика.

Я удивленно посмотрела на нее. Всклокоченная, с опухшими щеками, она была похожа на искусанного пчелами пасечника.

– Я знаю. И ты вовсе не похожа на помидор... скорее на очень милого медвежонка, которой встретил неправильных пчел, - я легонько толкнула Лику в бок, и та засмеялась.

– Как думаешь, встретить жабу в трусах – к дождю? – спросила она меня с улыбкой.

Перед мысленным взором тут же предстал противный беззубый мальчишка, и я пожала плечами:

– Не знаю, но в следующий раз я возьму с собой теткин словарь и ка-а-к дам ему по башке... чтобы пользовался правильно алфавитом!

Дождь так и не пошёл.

А вечером я узнала от тети, что противные мальчишки теперь мои новые соседи – Демьян и Даниил Морозовы.

Глава 16. Муженек

Наши дни

Любовь

– Очкастая, не узнала, что ли? – Демьян, как-то нехорошо ухмыляясь, смотрит на меня.

Я же... я вдруг робею под его насмешливым взглядом, и опускаю свой взгляд ниже... чтобы упереться им в ширинку.

Черт!

Мои щеки теплеют, а я снова возвращаюсь к картинке в парной.

Она будто отпечаталась у меня в мозгу.

Я видела Демьяна голым!

Не как в далеком детстве на речке – в трусах. И не с голым торсом, когда они с Данькой с самодельными удочками возвращались с рыбалки, неся в ведре пяток карасей.

А вообще голым!

Да еще и со стояком, который, чует моя многострадальная задница, обязательно придет ко мне во сне.

И не один, а в сборной комплектации со всем остальным Морозовским туловищем.

И это точно не будет кошмаром, я вам как автор эротических романов говорю.

Царапает то, как меня назвал Морозов.

«Очкастая».

Я неосознанно поправляю очки и досадливо морщусь.

Эй, ты чего это, подруга, раскисла?! А кто написал эротическую сказку с аж семью мужиками? Кто попал с ней в Топ-10 эротических новелл? То-то же! Нас одним голым хером не напугать!

Так что, Люб, давай-ка, бери себя в руки и покажи этому наглецу, где его место!

– Морозов, тебе пять лет, что ли? – огрызаюсь, нащупывая в себе тот самый боевой настрой.

Улыбка на лице Демьяна становится шире.

– А это был мой второй вопрос.

Непонимающе смотрю на него, мечтая стать выше, чтобы не глядеть снизу вверх.

– Тебя кто учил врывать к добрым людям в самый разгар... – Морозов вдруг прерывается, а я мстительно заканчиваю за него:

– В разгар ваших с Улькой брачных игрищ, ты хотел сказать?

Стреляю глазами на сломанный табурет... и незаметно приподнимаюсь на цыпочки.

– Ну если слово «прелюдия» для тебя в новинку, то можно сказать и так, – не смущаясь парирует Демьян. И руки складывает на груди.

И я невольно люблюсь крепкими предплечьями и ладонями с выступающими венками.

– Если слово «частная собственность» тебе ни о чем не

говорит...

– Словосочетание, у тебя два слова, – поправляет меня Морозов, и я начинаю закипать.

Мало того, что он вдруг вспомнил мое дурацкое прозвище, так еще и самого умного строит.

– Да какая разница, если ты в моей бане с этой... с этой голозадой ундиной собрался делать... – запинаясь.

– Трахаться, – улыбка Демьяна становится шире. – Не благодари.

Я хватаю ртом воздух, ступни сводит от статичной позы, но я упрямо тянусь вверх.

Как же он меня бесит! Я и забыла уже...

– И не собиралась! Цивилизованные люди занимаются любовью, а не сношаются в темных углах, как дикие звери.

– Ну, во-первых, никто не запрещает... Как ты сказала?... Сношаться? А у тебя интересные фантазии на эту тему... Так вот, никто не запрещает сношаться там, где ему хочется.

– Но не там, где нормальные люди моются! – всплескиваю руками, а мышцы на икрах противно сводит, и я опускаюсь на всю стопу. – У тебя своей бани нет?!

– А это было, во-вторых, – Демьян показательно оттопыривает два пальца. – В дедовой пол весь прогнил, а новый сруб еще на поставили. И твоя тетка, кстати, сама разрешила пользоваться ее баней...

После его слов сдуваюсь, как проткнутый воздушный шарик.

Вот, значит, как.

– И когда это ты успел с ней встретиться? – воинственно задираю нос. Мне тетя Зина ведь сказала, что не видела Демьяна пять лет.

– Так сегодня и созванивались. Дед сказал, что она в больнице, номер переслал. Ну я и обозначился, помощь предложил... Правда из разговора понял, что едет Людка, а тут ты.

А тут я.

– Люда из своей Карелии даже за деньги не вылезет, не то, что к матери больной... – бормочу себе под нос.

Выходит, здесь все-таки есть связь. И только мне «повезло» остаться без нее.

– Пирогов вон привез, мать напекла, – продолжает Демьян, а я растерянно оборачиваюсь к столу.

И пироги его...

– А как же Галина? – спрашиваю вслух, заправляя прядь волос за ухо.

– Без понятия, о ком ты, – Демьян пожимает широкими плечами, а потом зачем-то поднимает оброненную мной шапку. – Забавный фасон... это так сейчас модно ходить с рогами на башке?

– Сам ты рогатый! Это кошачьи ушки! – заступаюсь за честь своей шапки. – И вообще, чего ты здесь торчишь?

– Зашел с женошкой познакомиться и поблагодарить за сорванный трах, – Демьян прожигает во мне дыру взглядом. И я невольно передергиваю плечами, так он ошутим.

– Не за что, муженек, – отбрываю. – И вообще, впредь удовлетворяй свои инстинкты подальше от меня...

– О, не сомневайся, Очкастая, в следующий раз тебя не приглашу... – Морозов вдруг придвигается ближе. – Но если захочешь присоединиться, знаешь, где меня найти...

Вспыхнув костром, я повторила то же, что и сказала в ба-не:

– Размечтался!

– Ты ничего не знаешь о моих мечтах... – вдруг проронил Морозов.

При этом он так посмотрел на меня, что у меня ёкнуло сердце.

Нельзя так смотреть. Так, будто в этих мечтах есть место и мне.

Больше ничего не сказав, Демьян развернулся и вышел за дверь. Ходики громко отсчитали трижды свое фирменное «тики-тики», когда заскрипели ступени на крыльце.

Кинг вылез из-под стола и принялся, почуяв чужака.

А я осталась стоять, досадливо кусая губы и чувствуя себя странно.

Что вообще происходит?

Волнение, которое меня охватило, не имело ничего общего с тревогой.

Это было похоже на дурацких бабочек в животе. Щекотка, легкое тепло под сердцем.

Мне понравилось препираться с Демьяном?! О нет! Толь-

ко не это!

У нас с ним ничего общего. Кроме разве что знания, как он теперь выглядит без одежды.

Щеки снова запекло, и я приложила прохладные ладони на них.

Мне нужно держаться от него подальше!

Поддавшись неясному порыву, я приникла к окошку, которое выходило на соседний дом.

Освещаемый лунным светом широкими шагами Демьян уходил прочь. Без куртки и шапки. Он будто не чувствовал мороза вовсе.

Не мужик, а снежный человек. Его даже ни ледяная вода, ни колючий снег не испугали.

Я залипла на его спине, когда он вдруг обернулся.

Видел, как я пялюсь на него или нет?

Спрятавшись за занавеской, я прижала руку к груди.

Сердце отчаянно билось о ребра.

И мне категорически не понравился его ритм.

Хорошо, что я с собой прихватила пару бутылок отличного вина.

– Самое время полечить нервишки, да, мой хороший? – сообщила Кингу, и пес согласно хрюкнул.

«И изгнать отсюда дух этого пошляка!» – добавила мысленно.

Глава 17. Жenuшка

Демьян

Очкастая.

Надо же было такое ляпнуть.

Но слово само будто на язык прыгнуло, стоило признать в бешеной курице соседскую девчонку и грозу моего детства – Любку Тишину.

Когда она ворвалась в парную и устроила мне ледяной фреш, последнее, о чем я думал, это благодарность.

Сперва прибить хотелось.

До зудящих ладоней.

Ну я взял и нашлепал по заднице со всем усердием.

Чтобы до мозга быстрее дошло, и в следующий раз он на «тормоз» жал поактивнее – а то, фиг знает, куда еще остальное тело вместе с жопой занесет.

Не все такие, как я.

Кто-то может и вместо профилактических ата-та выдать вполне весомых звездюлей.

А я добряк.

Особенно, когда обламывается горячий секс.

Так прям добро из ушей и прет, аж тянет раздать.

Альтруизм, хер ли.

Ну я и «раздавал»... по левой и правой ягодице.

И только позже разглядел в зареванной мордашке знако-

мые с детства черты.

Люба за эти годы сильно изменилась.

Ну стоило начать с того, что она выросла. Даже кое-где округлилась как надо.

Грешен. Слабость к красивым задницам у меня давняя.

А уж после того, как полгода проторчишь в Ярудейском – где на сто километров вокруг только тишина, вечная мерзлота, мужики да медведи, – любая женщина покажется богиней.

Любка если и была богиней, то однозначно хаоса.

В два счета обломала мне жирно наметившийся секс, устроила дебош с отбитием мизинца.

Фурия бешеная.

Пришлось посадить ее задницей в сугроб, чтобы немного остыла, а самому – шмотки в охапку и Ульку вызванивать.

Та вообще какую-то дичь несла.

Что-то про извращенцев, изменщиков и «в рот она манала наши четверги».

А потом сбросила вызов и больше трубку не брала.

Вот с четвергами вообще ни хрена не понял.

Зато инфа про жену меня очень даже заинтересовала.

И я, одевшись поприличнее – ну не с голым же задом ходить? – отправился знакомиться с внезапно обретенной благоверной.

Новоиспеченная женушка едва не стала новопреставленной рабой божьей, устроив перформанс с табуретом и верев-

кой.

Я тогда рванул к ней без раздумий.

В голове только – почему-то голосом Михалыча, нашего бригадира – зазвенело: «Ядрёна кочерыга!»

Успел. Поймал. А в ответ ни «спасибо», ни «здрасьте».

Любка шипела рассерженной кошкой и сверкала сердито глазищами, уверяя меня, что у нее все было под контролем.

Ага-ага. Охотно верю.

Ну она с детства отличалась особым умением влипать в неприятности.

Но как-то с возрастом фляга у нее свистеть стала не по-детски.

И на этом «знакомство» стоило бы закончить. «Развестить» тут же по-быстрому, вернув себе гордое звание холостяка.

Вертелся в башке еще один варик: обложить обломщицу по матери и оставить разбираться со всем одной.

Но я ж типа джентльмен.

Слово тетя Зине дал. Помощь обещал.

И теперь стою и гляжу в глазищи серые, обрамленные пушистыми ресницами, и не знаю, чего больше хочется.

Взять и отшлепать еще разок по круглой жопе?..

Красивая зараза. И это я уже не про Любкину задницу.

Фигурка ладная. Со всеми выпуклостями и впуклостями.

Губешки, реснички, щеки с нежным румянцем... тонкие запястья и сами пальчики тоже тоненькие, но цепкие.

Хрупкая статуэтка с облаком светлых волос.

Язык, правда, без костей, но ему можно найти другое – более подходящее по случаю сорванного траха – применение.

Или поцеловать?..

Губы у Любы очень выразительные. Пухлые, розовые... зовущие.

Особенно, когда она не поджигает их недовольно в куриную гузку.

– И вообще, чего ты здесь торчишь? – Люба задирает нос и снова пытается встать на носочки.

Забавная.

– Зашел поблагодарить за сорванный трах, – говорю, а сам гипнотизирую ее рот.

– Не за что, – ершится. – И вообще, впредь удовлетворяй свои инстинкты подальше от меня...

– О, не сомневайся, Очкастая, в следующий раз тебя не приглашу... – Я снова называю ее этим дурацким прозвищем.

Ну нравится мне, как она каждый раз вспыхивает, стоит назвать ее очкастой.

В ответ ее глаза мечут молнии, а на щеках расцветает румянец.

Дразнить же не запрещено?

Налюбовавшись, придвигаюсь ближе.

– Но если захочешь присоединиться, знаешь, где меня найти...

И снова пялюсь на ее губы.

Или сначала поцеловать, а потом отшлепать?

А между этими событиями вставить немножечко кайфа для младшенького, который от моих неожиданных фантазий зашевелился в штанах.

– Размечтался! – В момент моих пошлых размышлений Люба как раз облизала губы. Быстрым движением, едва ли осознавая.

И я, как додик, залип на них. Представляя, выкручивая фантазию на максимум.

Вот я резко сокращаю расстояние между нами до куцых миллиметров и сразу приникаю губами к губам.

Люба тихо ахает, приоткрывая рот, и я тут же пользуюсь лазейкой.

Толкаюсь языком, сплетаюсь с ее, чувствую вкус и дурею от него. Почему-то Люба пахнет клубникой, которую я с детства терпеть не могу.

Но сейчас это кажется правильным. Она пахнет умопомрачительно: сладко, нежно.

Когда Люба со стоном обнимает меня за шею, даю волю рукам.

Глажу все ее выпуклости, сминая, вдавливая в себя. Задирая выше платье... оно мешает мне ощутить гладкость кожи... ощутить всю Любовь.

Ее имя, как и вкус клубники, самое подходящее из всех. Хочется влюбить со всем усердием и не раз...

Она тихо стонет в ответ, жмется сильнее, ближе.

Предлагает себя, позволяя целовать ключицы и верх аппетитной груди.

И мне окончательно рвет башню.

Я подхватываю ее как пушинку и вжимаю в стену. Целую теперь жадно, напористо, прикусывая нежную кожу на шее, намеренно оставляя на ней отметки.

Люба одной рукой помогает мне расправиться с молнией джинсов...

Нетерпеливо стаскиваю с нее колготки, следом ее трусики рвутся с громким треском, и она удивленно ойкает.

– Я куплю тебе другие, – шепу между поцелуями, упираясь лбом в ее.

Стояк каменный. Больше не выдержу.

Смотрю в невероятные глаза и одним толчком направляю себя внутрь...

– Ты не знаешь, что у меня в мечтах... – говорю, едва удерживая себя на месте.

В своей голове я жестко тараню Любу, и ей это нравится.

В реале же я просто молча ухожу, оставив Тишину в недоумении, а себя без «сладкого».

Боец оттопыривает ширинку до боли, а у меня уже зреет план.

Укрощение строптивой по-лопуховски?

Почему бы и да!

Глава 18. Галина Зинаидовна

Любовь

– Нет, ты представляешь, какая злая шутка мироздания: сорваться за город – почти спонтанно – и встретить здесь Морозова! Да еще и в чем мать родила! Ы-ы-ы... где же я так провинилась? – тяжело вздыхаю и делаю глоток вина.

Мой единственный собеседник согласно хрюкает и аристократично пускает из носа соплю.

Мурка, забившись на печь, взирает на интервента с поистине кошачьим презрением.

– Наверняка сидит у себя... довольный... в тепле, а я тут в ледышку превращаюсь! – Кручу в руке бокал и зябко поджимаю ноги в вязаных носках.

Кинг, чувствуя мое паршивое настроение, тихонько портит воздух, свернувшись компактным клубком на своей лежанке.

– Да, тебе-то заботливая мамуленька все захватила, – укоряю пса и едва не разливаю остатки вина на пол. – Игрушечки взяла, миски, еду... и даже про спальное место не забыла... Ик!

Икота нападает на меня внезапно, и мне приходится прервать свой обличительный монолог, чтобы отдышаться и передать эстафету Федоту.

– С Федота на... Ик! Якова. С Якова... Ик! Да что ж та-

кое-то! – рассерженно поправляю теткин очки. – Иди к Морозову, чего ко мне прицепилась?!

Воги, не пережив встречу с морозовской пяткой, лишились одной дужки и линзы.

Громко чихнув, решаю натянуть на себя шубу, чтобы согреться. Но сырой ворот противно холодит кожу, и я с тяжелым вздохом возвращаю вещь на место.

– А вот если бы у нас был интернет, я бы сейчас погуглила, как растопить древнюю печь, и у нас было бы тепло, – бубню себе под нос, стаскивая с вешалки теткину дубленку непонятного цвета.

Где-то под потолком он наверняка был. Но после демарша табурета я не рискнула залезть на чердак.

Спасать-то в этот раз некому.

И печь топить тоже.

Все мои три попытки добыть огонь с треском – а точнее с жиденьким дымком – провалились.

Мельком глянув в зеркало, едва не фыркаю. Видок у меня бомжеватый.

Пальто – грязное и с разорванным на плече рукавом – явно встретило не один апокалипсис на своем пути и теперь доживало свой век, мечтая поскорее оказаться на свалке.

Зато я наконец стала отогреваться.

Градус с вине сделал свое коварное дело – взгляд слегка расфокусировался и поплыл, мышцы налились тяжестью, а язык, кажется, распух.

Едва не загремев на пол, я уставилась на стену.

Куча грамот в рамочках и даже какие-то вырезки из газет. Одна даже с фотографией.

Приглядевшись повнимательнее, я узнала в толпе людей свою тетюшку.

Она стояла почти в центре, счастливо сжимая в одной руке какой-то кубок, а в другой... курицу?

Я озадаченно протерла линзу.

Ну точно! Курицу!

«Очередная победа нашей землячки на ежегодной ярмарке и призовое место «Лучшая несушка», – гласила передовица.

Резко вспомнив, что обещала тетке кормить птицу, я зачем-то пошла в сени.

Через них легко можно было попасть сразу на крытый двор, где в специальном закутке зимовали куры.

При свете лампочки те завозились на насестах, хлопая крыльями.

– Ч-ч-ч, – зашипела я, едва не задев макушкой лампочку, – рано вам просыпаться!

Петух глянул на меня особо недобро, и я поспешила ретироваться в дом, но в последний момент зацепилась взглядом за что-то блестящее.

Голубая розетка из атласной ленты с цифрой «1» была заботливо повешена на гвоздик аккуратно над гнездом, в котором восседала толстая черная курица.

Вид она имела такой важный, что сразу становилось понятно, кто здесь царица.

Чуть ниже была приделана табличка с именем.

Пробежав по ней глазами, я прыснула от смеха.

Куры заполошно заквохкали, а Галина Зинаидовна – признанная чемпионка по скоростной кладке яиц – посмотрела на меня уничижительно.

Захлопнув курятник и выключив свет, я вернулась в дом.

Внутри все еще бродил смех вперемешку с алкоголем.

Эта Галина точно не могла напечь мне пирогов и истопить баню.

Забираясь в постель, прихватив для тепла Кинга, я пьяненько прокручивала в голове события дня.

При воспоминаниях о голом Морозове мне вмиг стало жарко.

Ну каков же нахал! И ни капли стыда за свою выходку! Мало того, что потаскун, так еще и торчать будет под самым носом.

А у меня роман! И Эдвард с Матильдой! И куриный отряд во главе с Галиной Зинаидовной!

«Так что, кыш из моих мыслей!»

Утомленная внутренними разборками с Морозовым, я не заметила, как провалилась в сон.

Глава 19. Фенисимка

Демьян

– Жениться тебе надо, Демьянушка.

С улыбкой смотрю на Анну Никитичну, которую все давно по привычке зовут БабНюрой.

– Зачем жениться, БабНюр? Я и один неплохо справляюсь.

Укладываю последние поленья так, чтобы ей удобно было достать, а самое кривое распускаю на щепу.

– Такой хозяйственный... рукастый! Да я б сама за тебя пошла, будь мне годков двадцать!

– Да я вас и такую возьму, БабНюр! – Смахнув пот со лба, подмигиваю ей, и она смеется.

Заливисто, легко. И правда, как девчонка.

– Да куда тебе такая старая кривая кляча? Нет, такого жеребца надо к достойной кобыле пристраивать...

– Что ж своих кобылок не сватаете?

– Окстись! – Машет суетливо ладонью и поправляет шаль.
– Одни овцы у меня. Безмозглые. Там пастух нужен, чтобы эта отара не разбрелась...

Почтенная Анна Никитична разменяла уже девятый десяток, а ум и язык у нее все такие же острые.

Овцы у нее действительно есть. Но сейчас она вряд ли говорила о них.

Прибираю за собой мелкий сор, аккуратно ссыпаю щепу в небольшой лоток.

Оглядев небольшую кухоньку, у разболтанной дверцы шкафчика подтягиваю петли, выравниваю.

Здесь же меняю лампочку в плафоне. Патрон едва ли не крошится у меня в руках.

– Тут бы другой поставить, БабНюр, – киваю вверх. – Найдется патрон новый?

– А и найдется! Чего бы ему не найтись! – Анна Никитична скрывается в комнате и возвращается с небольшой коробкой.

– Глянь тут, Демьянушка...

– Мхм.

Обесточив, быстро меняю патрон.

Ну вот, другое дело.

– Принимай работу, хозяйюшка!

– Ой, спасибо тебе, сынок. Руки у тебя золотые!

Некстати вспоминаю, что сегодня пришлось эти золотые руки с утра приложить к стоящему колом члену... потому что снилась мне одна зараза.

До сих пор в ушах ее горячий шепот: «Еще, еще-е-е».

Губы помнят ее вкус – та самая клубника. Под пальцами податливое сливочное тело, отзывчивое, дрожащее от удовольствия...

Сон был настолько реальный, что я едва не кончил.

Проснулся с долбящим пульсом в ушах и сводящим с ума

ощущением приближающейся разрядки.

А главное, один.

И почему-то именно это мне не понравилось больше всего.

Захотелось вдруг, чтобы рядом была тонкая девичья фигурка, чтобы голова лежала на моем плече, а ладошка с аккуратными пальчиками покоилась на груди. Прямо над сердцем. И чтобы можно было безнаказанно впиваться в сочные губы, требуя повторить то, что мне приснилось.

Мда.

Какая только фантазия не придет в голову, особенно после вынужденного полугодового celibата.

Но отчего-то лезет в ту самую голову не рандомная красивая девка, а соседская девчонка, с которой в детстве мы постоянно задирали друг друга.

И хочется... хочется мне вполне определенную девушку.

И для этого даже не надо жениться.

Хмыкнув, собираю инструмент.

– А кто там приехал к Михалне? – расставляя на столе чашки и розетки с вареньем, Анна Никитична поглядывает в окно.

Стянув из тарелки пышный горячий оладий и закинув его в рот, невнятно отвечаю:

– Люв-в-а.

– Неужто Людка к матери явилась?! Ни стыда, ни совести ведь!..

– Да не-е-е, БабНюр. Не Люда. Люба. Любовь, - поправляюсь.

– Племянница, что ли?

– Мхм. Она самая.

– Это которая такая конопатая и вечно рыдала? – прищурившись, вспоминает Анна Никитична.

– Не, БабНюр. Это Анжелика Станиславская, ее подружка. Она любила поныть...

– А-а-а, Люба! Тощенькая такая, в очках! Все время за тобой бегала!

Едва не выплевываю чай.

Любка, конечно, была тощей, и с очками не расставлялась... но если и носилась она с кем, так это с Ликой.

– И как она?

С ебанцой, но мне зашло.

Но вслух отвечаю дипломатично:

– Выросла.

Округлилась где надо. Язычок остренький заточила. В сны мои проникла...

Ух, я б ее... ё б ее...

Ухмыляюсь своим мыслям.

– Сто лет ее не видела, – лукавит БабНюра. – Надо будет дойти... проведать по-соседски. Может помочь чем... У Зинки там курей целый двор...

– О, нет-нет. Не нужно помогать! – качаю головой, в которую только что пришла идея.

– А чего такое? – БабНюра озадаченно теревит кисти ша-
ли, а потом ее глаза распахиваются. – Только не говори, что
она из этих?!

Из каких?

– Из сек... секс... – тьфу ты, простихоспади! – сектанток!

Ну, насчет секса не уверен.

Тишина морозится так, будто у нее его вообще никогда не
было.

А вот с остальным.

– Не, БабНюр, никаких сект!

– А чего ж тогда?

– Там все хуже...

– Да чего хуже этих нехристей может быть? – всплескива-
ет она руками.

– Сама она все хочет делать. Помощь никакую не желает
принимать.

Пожевав губами, БабНюра подпирает ладонью морщини-
стую щеку и тяжело вздыхает.

– Фенисимка, что ли?

Едва не заржав, как конь, киваю.

– Она самая.

– Ты гляди, что ж делается-то... Вот же бестолочь какая...
– тихо бормочет БабНюра, а потом переводит взглядна меня.

– Видала я, чего они там... эти фенисимки делают. Внучка
тут тоже заявила, что из этих... Волосы остригла, подмышки
не бреет и зеленой выкрасила. Мать чуть до инфаркта не

довела. А младшая хвост к жо... к заднице прицепила и на руках ходит, как собака. Дурищи, простихоспади! Отец обeim ремня всыпал, вроде попустило... Но одно всё - следить надобно!

Да уж. Не знаю, что хуже.

Шиза или эти модные феминистки и квадроберы.

Шизиков хоть лечить можно, а с этими, что делать? На всех ремней не напасешься.

Хотя я вот вчера отлично ладонью дурь из одной бешеной курицы выбил.

– Мой тебе совет, Демьян! Пригляди за Любкой-то! Не дело это. Пропадет же девка! Направь как-то, подскажи...

– Не переживай, БабНюр. Все будет хорошо.

И направим, и подскажем... и терапевтических звездюлей выпишем, чтобы ни капли зеленки на коже, ни хвоста в жопе не было.

С тарелкой оладьев иду к себе. Бросаю взгляд на соседские окна.

Сама справишься, говоришь?

Ну-ну.

Где там мой топор?..

Глава 20. Ромашка и Чудо-Юдо

Любовь

Особый вид удовольствия – проснуться позже головной боли.

Ты едва осознаешь на каком свете – том или этом, – а она уже туточки. Ждет.

Только полная дура откушает винца на ночь, не обеспечив себе достойное погребение на утро. Потому что помирать от похмелья будет знатно.

Могу. Умею. Практикую.

Тру пальцами пульсирующие виски в надежде изгнать противную мигрень, но тщетно.

Во рту будто забыли грязный кошачий лоток... с месяц так.

А еще невыносимо хочется пить.

Кое-как собрав себя в кучу, выбираюсь из кокона одеял, который мне удалось свить, чтобы не отморозить себе пятки.

Половицы ледяные.

Ну просто guilty pleasure какое-то!

Кинг уже ждет меня у самой двери, нетерпеливо пофыркивая и намекая, что хороший мальчик скоро уступит место плохому, если его не выгулять.

– Давай ты сегодня на самовыпасе? – каркая как ворона, выпускаю пса на прогулку, а сама мечтаю убиться об стену.

Ну вот кто, кто меня вчера утянул в пьяное after party после эпичной встречи с Морозовым?!

У-у-у. Даже волосы болят!

Срочно обезболу... или яду мне!

Напившись ледяной воды, собираю взлохмаченные волосы в гульку и иду разбирать чемодан.

Ни аптечки, ни кофе я не взяла.

Озадаченно зависаю, пытаюсь понять, как могла допустить такой факт.

Ааа, точно!

Я же взяла с собой три своих самых удачных романа! На случай, если вдохновение мое сдохнет в тяжких муках.

– С каждой минутой без дозы кофеина эпично сдохнуть грозит только мне, – хриплю и, едва не плача, иду ставить чайник.

Чай россыпью легко находится в одной из жестяных баночек, в рядок выставленных на полке.

Все они подписаны. Моя, например, так и гласит «чай».

У тети Зины с этим всегда было строго.

Перебирая зачем-то остальные, неловко задеваю крайнюю.

С грохотом она падает на пол.

Кошка, до этого мирно дремавшая на холодильнике, подскакивает на добрый метр и пулей слетает вниз.

Задевает пакет кошачьего корма, тот вдруг рвется, и все его содержимое рассыпается по полу.

– Звездец! – вырывается у меня, а еще парочка сочных ругательств.

Мда, Люб. Создать хаос за секунду – талант! Его точно не пропьешь.

Слышу в сениях недовольное сопение Кинга и ответный рев Мурки.

Черт! Этот ушастый пылесос сейчас сожрет тут всё.

Хватаю упавшую банку – удачно пустую – и со скоростью 2х начинаю в нее запихивать сухой корм.

Кинг через минуту подключается к процессу.

И сколько бы я не шикала ему «нельзя», этот бездонный обжора все равно успел полакомиться халявной дармовщиной.

Поставив банку на стол, я отругала пса и решительно заменила чай на ромашку.

– Никаких нервов не хватит! – вдыхая специфический запах, усаживаюсь за стол.

Так. Надо успокоиться. Подышать, например.

И я медитативно дую на чашку с отваром, а потом пью мелкими глоточками.

Морщусь от вкуса.

Ромашка полезна. Особенно, если ее употреблять прямо с корнем!

Прикрыв глаза и абстрагируясь от звона в голове, составляю список дел на сегодня.

Итак.

Во-первых, раздобыть обезбол.

Есть же тут аптека? Наверняка есть.

Во-вторых, купить кофе.

Без допинга моя головушка не варит и генерировать горячий сюжет отказывается.

Вряд ли здесь найдется хорошая кофейня, но я уже согласна и на растворимый суррогат!

В-третьих, необходим интернет.

Без любимых сериальчиков я здесь загнусь, а без гугла не растоплю печь и околею.

Включив ноут, быстро убеждаюсь, что в зоне поиска есть точка доступа. И сигнал неплохой, значит, это где-то рядом...

Палец висит над кнопкой, когда я пробегаюсь глазами по названию вайфая.

«Morozko».

Серьезно, что ли?!

Бросаю взгляд в окно на громадину соседского дома.

– Тепло ли тебе, девица? – кривляюсь, посылая соседу «лучи добра». – Тепло, батюшка. Тепло, Морозушка... задница так и полыхает, из космоса видать!

Азартно клацаю по кнопке «Подключиться», умоляя Вселенную, чтобы у соседа не было не только мозгов, но и пароля на вайфае.

Но мироздание сегодня глухо к мольбам одного замерзающего автора, и в окошке с вводом пароля издевательски пе-

ремигивается курсор.

Из вредности перебираю сначала цифры, потом сочиняю парочку ругательств, но доступ к сети так и остается закрыт.

– Ну и черт с тобой! – рассерженно шиплю и захлопываю крышку ноутбука.

В-четвертых, выяснить у местных, что у них тут за связь.

В-пятых, раздобыть себе завтрак!

Ой!

Совсем забыла!

В курятнике митинг.

Куры недовольно хлопают крыльями и крутят головами, будто выговаривая мне за вынужденную голодовку.

Быстро высыпав зерно вперемишку с какими-то добавками, проверяю опустевшие гнезда.

Галина не спешит присоединяться к своим. Смотрит на меня из-под нависшего гребня, и чудится мне в ее взгляде неодобрение.

– Не жадничай, Галюша, я всего три штучки украла, – с извиняющейся улыбкой говорю ей и тяну руку. – У тебя там есть что-то для меня?

В ответ получаю чувствительный удар клювом и отдергиваю пострадавшую конечность.

– Ай! Какие мы нежные!

Из добытых яиц быстро делаю себе омлет и таки завариваю чай вместо ромашки.

Не донеся вилку до рта, бросаю взгляд в окно и удивленно

задираю брови.

Это что за Чудо-Юдо?!

Глава 21. Морозостойкий лопух и не только

Любовь

Приглядевшись, опознаю в вечнозеленом растении лопух. Лопух в январе! Ха!

Я бы подумала, что у меня глюки, но лопух и не думал исчезать.

Он стоял, гордо расправив мясистые листья, и плевал на то, что вокруг снег и мороз.

– Боже, чем они тут землю обрабатывают, что здесь лопухи недохнут? – пробормотав это, делаю глоток чая и едва не выплевываю обратно.

Из-за угла соседского дома неспешной походкой выходит Морозов с голым торсом и топором в руке.

Озадаченно наблюдаю, как он подтаскивает к тому самому ГМОшному лопуху какие-то бревна... а потом начинает их рубить.

Никогда не думала, что это простое действие можно превратить в увлекательную сексуальную фантазию.

Уверенными, отточенными движениями Демьян подхватывает полено и крепко фиксирует его.

Замах – и топор со свистом рассекает воздух, точно и безжалостно впиваясь в дерево.

Звук удара эхом разносится по двору, щепки разлетаются в стороны, а мое глупое сердце сбивается с ритма.

Говорят можно бесконечно смотреть на три вещи: воду, огонь и чужую работу.

Ох, отстаньте от меня все!

Кажется, я только что поняла, что готова добровольно отказаться от еды и сна.

Лишь бы смотреть на то, как с каждым коротким замахом и точным ударом топора перекачиваются мышцы на широкой спине Морозова.

Пытаюсь не пялиться на его плечи, но не могу отвести взгляд. Он как намагниченный скользит по загорелой коже рук со вздутыми венами, по грудным мышцам, «перышкам» косых и кубикам пресса. Продолжаю путь по темной дорожке волосков — от пупка и вниз...

И вдруг как ошпаренная отвожу свои бесстыжие глаза, залипнув на слегка выпирающем бугре в штанах.

Черт!

Сжав в руках чашку с остывающим чаем, отворачиваюсь.

Нафиг мне сковородка? Я же могла пожарить себе яичницу прямо на щеках!

Ритмичный стук топора прекращается, и я, не выдержав, снова принимаю к окну.

Морозов ловко складывает поленья, а потом зачем-то приносит ведра.

Еще не до конца понимая, что он задумал, я как заворо-

женная слежу за тем, как Демьян снимает ботинки и берется за резинку спортивных штанов...

– Ну ты же не будешь тут голым расхаживать... – шепчу, но быстро прикусываю язык.

Потому что это же Морозов!

Он и стыд – понятия не совместимые.

Стащив штаны и явив миру подкаченный голый зад, Морозов подхватывает одно ведро с водой и выливает себе на голову.

Он дома не мог помыться, что ли?

Но, когда от его тела валит клубами пар, до меня как до утки доходит – он обливается ледяной водой.

Забывшись, делаю глоток.

Фыркая и ухая, Демьян тянется за вторым ведром, и, ловко его опрокинув, разворачивается ко мне.

Чай попадает не в то горло, и я громко с надрывом откашливаюсь.

Боже!

Восставший член Морозова приветственно качается в мою сторону.

А сам Демьян, смяв в руках снежок, запуливает его прямоком в мое окно!

Ай! Дергаюсь и выливаю на себя остатки чая.

Досадливо морщусь.

Откуда он вообще знал, что я здесь стою и за ним подсматриваю?

Еще и улыбался при этом так шkodливо, будто ему это было точно известно.

– Пошляк! – фыркнув, отворачиваюсь и прикусываю губу.

Перед глазами до сих пор стоит морозостойкий причиндал Морозова, который переплюнул по упорству даже лопуха-мутанта.

– Да ты просто мастер пикапа! – ворчу, собираясь и раз за разом промахиваясь мимо рукава.

Главное, не забыть вставить в роман сцену с топором.

Глава 22. Невинно насаженная

Любовь

В единственном на всю деревню магазине мне удалось разжиться быстрорастворимым кофе 3-в-1, пачкой сосисок и упаковкой яиц.

После утренней порции презрения от царицы Галины моя прыть по сбору яиц поубавилась.

А еще мне подсказали к кому можно обратиться с погнутой шпилькой.

– Сосед ваш, дед Митяй, у нас на все руки мастер! Особенно, когда не пьет.

С этими ценными знаниями я пробиралась через сугробы к следующему обязательному пункту своей одиночной программы.

Голова все еще раскалывалась, а роман больше не мог ждать.

На удивление в аптеке из посетителей обнаружилась только одна бабуля-одуван.

Обрадовавшись, я пристроилась за ней, но быстро сдулась, увидев внушительный список лекарств.

Женщина по ту сторону прилавка тоже бросила взгляд на мелкий убористый почерк, тяжело вздохнула и рыкнула:

– Ты где там прохлаждаешься?! Работать за тебя кто будет?

От этого зычного голоса подскочили и я, и бабка.

– Иду-у, – прозвучало недовольно где-то из-за стеллажей.

– Пройдите к другому окну, – с извиняющейся улыбкой обратилась ко мне фармацевт.

Не успев подивиться уровню сервиса, я шагнула в сторону и едва не уронила не только челюсть, но и теткин очки.

Из глубин аптечного рая, опустив очи долу, шла та самая голозадая ундина, что вчера таращилась на меня в предбаннике.

«Ага, все-таки есть у нее чувство стыда!» – злорадно подумала я, а потом только заметила в руках Ульяны книгу.

Девушка явно не стыдилась меня, а просто внаглую читала!

Знакомая обложка едва не лишила меня речи. Я прекрасно помнила сюжет этой книги, ведь, в конце концов, я ее и написала.

В центре сюжета невинная героиня и ее очаровательный босс, от которого у нее двойня.

Последняя появилась при весьма пикантных обстоятельствах.

Героиня случайно перепутала хамамы и умудрилась свалиться на героя в самый, так сказать, ответственный момент.

Моя подруга гинеколог очень долго ржала, когда я спросила ее, можно ли забеременеть, если сесть на полотенце, испачканное мужской несдержанностью.

«Где ты только этот бред находишь, Люб? Надеюсь, не там же, где продают чудо палочки, сужающие вагину?» – вопро-

шала она в трубку, рыдая от смеха.

Пришлось изменить немного сюжет, где девушка вместо полотенца приземлилась аккурат на нефритовый жезл.

А потом, пользуясь тем, что в клубах пара хозяин жезла ее не разглядел – а только как следует общупал, – сбежала... и унесла с собой его биоматериал. Потом она устроилась к нему на работу секретарем, скрыв беременность. В конце, конечно же, он узнал об этом и женился на ней.

И вот сейчас моя «Невинно насаженная, или Двойня для босса» была аккуратно припрятана на полку с презервативами, а сама любительница горячего чтения – и горячих мужчин – наконец увидела меня.

Я недобро ухмыльнулась.

Ну, привет, что ли, фанатка?

Глава 23. Анонимное сестринство

Любовь

– Мне что-нибудь от головы, – прошу, наблюдая смену эмоций на хорошеньком девичьем лице.

От испуга Ульяна быстро перешла к обиженной сердитости.

Стрельнув глазами на коллегу, поразительно похожую лицом на Ульку – мама и дочь? – она прошипела мне:

– Всё закончилось.

– Вот прям всё? – поднимаю удивленно брови, внутри аплодируя актрисе погорелого театра.

– Я так и сказала.

– А это тогда что? – тыкаю в соседней витрине на целый ряд разноцветных упаковок.

– Муляжи. Продаже не подлежат, – елеиным голоском отвечает мне Лолита лопуховского разлива и победно улыбается, демонстрируя чуть выступающие передние резцы.

Да ты ж моя зайка!

Мое кривое настроение быстро проскочило отметку с «фигово» на «не подходи - убьет», а я плотоядно растянула губы в ответной улыбке.

Ну держись!

Схватив с подставки аскорбинку, положила перед носом Ули:

– Тогда мне только это.

– Я могу посоветовать набор из антисептика и противодиарейного, у нас на них сегодня акция. А еще вот этот препарат... для профилактики половых инфекций, – чуть громче говорит Ульяна, и головы бабули и фармацевта как по команде поворачиваются в нашу сторону.

Ах ты ж маленькая пакость!

Но там, где ты училась, я уже преподавала.

– Беру все! – согласно киваю. – Моим подопечным пригодится. Спасибо, сестра, что заботишься об их бранных телах! Бедняжки, они ведь не виноваты в том, какой путь избрали, но в наших силах помочь им, направить...

Я несу эту чушь с самым благостным выражением на лице, буквально кожей чувствуя, как зашкаливает градус любопытства в помещении.

– Вот, а это тебе, сестра! – расплатившись, я жестом фокусника достаю из кармана мятый флаер, который мне сунули в метро. – Приходи к нам на собрания! Алкоголики по средам, в субботу – нимфоманки... Ну ты и так это знаешь. Можно инкогнито, мы уважаем анонимность наших подопечных. Ты, главное, приходи! Еще не поздно все исправить! Анонимное сестринство – это великая сила!

После этого в аптеке воцарятся такая тишина, что слышно, как скрипнула зубами Улька, и как глубоко вздохнула ее родственница. А бабка-одуван прищелкнула вставной челюстью, уже заранее смакуя новую сплетню.

Сцапав пакет с бесполезными лекарствами, я устремилась на выход.

Черт, главное, не заржать.

– Ка-а-акие еще нимфома-а-анки, Улька!? – громынуло за моей спиной, да так, что, кажется, стекла задрожали. – Да я тебя сейчас мерзавку!

– Ма-а-ам! – сиреной взвыла ундица.

Остальные звуки отсекала дверь, напоследок звякнув колокольчиком.

Довольная я поправила свою шапочку с ушками и пошла домой.

И даже голова, на удивление, прошла.

Поймав устойчивый сигнал сети рядом с самой высокой елью, я отзвонилась тетушке и успокоила, что все у меня в порядке.

Тетя Зина шла на поправку и уже пыталась строить лечащего врача, но тот с бронебойной уверенностью выдерживал настойчивые атаки тетушки и отпускать ее домой раньше времени не собирался.

Тетушка ворчала на него, но по голосу было понятно, что за такую принципиальность она его зауважала еще больше.

– Ты уж там продержись, Люб! У соседа помощи если что проси.

– Не переживай, тетя Зин, я со всем сама справляюсь!

Вот еще. Демьяна о чем-то просить!

Уже завершив разговор, я с досадой вспомнила, что так и

не спросила, как правильно растопить печь.

– Ну ничего, сейчас великая сила интернета нам с этим поможет! – Я шустро забила запрос в поисковую сеть. – Ага!

Пробежавшись глазами по статье, я уже хотела заскринить это дело, как что-то со всей силы пнуло меня в зад.

Глава 24. Овца

Любовь

Виновница моих тяжких ягодичных увечий не моргая смотрела на меня своими необычными глазами.

– Вот же... овца! – выругавшись сквозь зубы, я с кряхтением стала собирать разбросанные покупки.

Черт, яйца почти все переколотила!

Неожиданно ко мне подскочила уменьшенная копия первой – такая же лупоглазалая и с черной кудрявой шерстью – и попыталась зажевать пакет.

Мозг после встряски отказывался генерировать мысли, и я никак не могла вспомнить, как же называются вот эти мелкие овцы.

– Эй, за детьми своими следи! – На мой возмущенный возглас мамаша только ухом дернула.

Нахальный овчий отпрыск, осмелев, попытался меня тоже боднуть крошечными рожками.

Но стоило мне только протянуть к нему руку, как бдительная мать тут же сделала пару шагов ко мне.

– Но-но-но! Женщина...эмм... овца, не дурите! Я и с первого раза неплохо поняла! – Уперевшись ладонью в теплый овечий лоб, попыталась остановить эту машину и спасти остатки гордости.

– Это она из ягненка, – раздалось из-за спины, и я едва не

подпрыгнула от испуга.

Старушка была махонькая, вся такая аккуратная. Улыбчивая с ясными голубыми глазами и с накинутой на тулуп белой шалью.

– От я тебе! – погрозив сухоньким кулачком, бабуля ловко ухватила овцу за шерсть на загривке. – Манька так-то смирная у меня, это она после окота такая строгая мамка стала... А ты, стало быть, Зинкина племянница, Люба, – без перехода продолжила она.

И сказано это было без вопросительной интонации.

– Стало быть, я, – в тон ей ответила, отряхивая шубу от снега.

– Не помнишь меня поди? БабНюра я, вы с подружкой бывало ко мне хаживали за малиной.

– Ой! БабНюр, я вас и не узнала! – Оглядываю соседку теперь другим взглядом. В детстве она казалась мне выше, да и немного другой.

– Годы-то идут, чай не стоим на месте... Ты уж вон невеста! Жених-то есть?

В городе я отвыкла от того, что кому-то есть дело до моей личной жизни. Ну разве что только маме!

Но баб Нюра спрашивала это без издевки, по-доброму.

– Нет, – с улыбкой качаю головой.

– Ну ничего, ничего. Такой красавице и мужчина должен быть под стать... чтобы рукастый, сам все делал по дому, работал много, семью обеспечивал, а ты бы была у него дороже

золота, домовничала да детишек рожала...

– Да сейчас и девушки сами многое могут, баб Нюр, – начала я, но старушка только махнула на меня рукой.

– Ой, знаю я, чего там, в городах-то, делается! Наравне с мужиками бабы пашут, к власти рвутся... а рожать кто будет? Так ведь и вымерем!

Мне хотелось сказать, что до вымирания нам еще очень далеко, но решила оставить эту мысль при себе.

Зачем расстраивать старушку? Ей ведь всяко тут поговорить не с кем.

– Все будет хорошо, баб Нюр, не переживайте. И замуж выйдем, и родим, и мужу на шею сядем.

– От и правильно! Так и надо, Любаш! Бабий век не долог. А у нас тут и жоних есть! Демьян, чем не красавец?

Поперхнувшись на вдохе, едва справилась с убийственным кашлем и желанием высказать божьему одувану, что такого еб... любливого кобеля я еще не видывала!

Один его утренний перформанс с топором и обливаниями стоил моих последних нервов!

– ... не пьет, не курит, вахтой работает, нефть добывает... – продолжала нахваливать Морозова баб Нюра. – А какой рукастый!

«Ху#стый!» – тут же внес ремарку внутренний голос, и я снова чуть не подавилась воздухом.

Все, достаточно на сегодня Морозова.

– ... и все бобылем живет! – горестно закончила монолог

баб Нюра.

– Не переживайте. Будет и на его улице праздник! Вы мне лучше подскажите, как печь топить?

С бесценными знаниями и приглашением заглянуть на чай я пробиралась к себе.

Телефон, не переживший падение, теперь радовал сеткой трещин на экране и ни в какую не реагировал на палец.

Яйца разбились и протекли в пакет.

Отбитая задница требует проявить к ней все внимание и заботу.

А у меня все равно хорошее настроение.

Пока я не замечаю ухмыляющегося Демьяна.

Стоит, лопату для снега обнимает.

Снова без верхней одежды – но хоть в свитере и штанах!

Улыбается во все тридцать два, будто какой секрет знает.

Жених завидный, видите ли!

Задираю нос повыше и с гордым и независимым видом отпираю дверь. А сердечко у самой колотится испуганным зайцем.

Вот, что ты со мной делаешь, а?

И только в доме до меня доходит, что снег у дома расчищен, и больше нет нужды задирать ноги до самой головы.

Неужели Морозов проявил обо мне заботу?

Выглянув в окно, уже никого не нахожу.

Что ж, настало время и мне позаботиться о себе! Дома колотун такой, что мне и в шубе комфортно.

Сложив, как подсказала баб Нюра, поленья колодцем, проверила тягу и, чиркнув спичкой, подожгла комочек бумаги. Огонь охотно охватил подношение, но быстро потух.

Недовольно поджав губы, я снова повторила все действия. Но результат оказался нулевой.

– Да что ж ты будешь делать?! – выругавшись сквозь зубы, я наклонилась к зеву печи и как следует дунула.

И вроде овца-то на четырех копытах осталась там, на дорожке, с БабНюрой.

Как же так вышло, что туточки нарисовалась овца двуногая?

А как еще себя назвать, если мне прямо в лицо полетело черное облако сажи и пепла, и я ослепла?

Глава 25. Переполох

Любовь

– Ай, черт! – Я бесполезно пыталась протереть слезящиеся глаза.

Но, кажется, сделала только хуже.

Воды в рукомойнике не оказалось, и я от злости взвыла!

Кто с вечера забыл воды в колодце набрать?

Комнату заволокло дымом, и я, надсадно кашляя, выскочила наружу.

О дальнейшем переполохе, устроенном в Лопухах, мне хотелось бы промолчать.

Но кто же даст?

Поскольку героиня отказывается рассказывать, что случилось, придется нам с вами побыть корреспондентами и взять парочку интервью.

БабНюра

– Анна Никитична, как давно вы знакомы с Любовью Тишиной?

– Ой, да я ее еще девчонкой сопливой помню! О-о-т такая мелкая была, – Анна Никитична показывает рукой себе по пояс. – А сейчас-то уж выросла, конечно. Заневестилась. Только это...

Переглядывается и переходит на шепот:

– Из этих она. Фенисисток... Ну, которые мужиков не лю-

бят! И все сами, сами на себе тащат. В общем, не сказала я ей, но вам скажу. Не дело это! Надо же и семью строить, и деток рожать. А кому она такая нужна? Ремнем надо было дурь эту выбивать, а сейчас-то чего... Э-э-эх.

– Расскажите, пожалуйста, что сегодня произошло?

– А и чего произошло? Всё, как обычно. Манька у меня сбежала! Даром, что овца! Научилась замок на калитке любом поддевать... Мхм. И сбёгла! Ну и мы аккурат у колодца с ней и встретились.

– С овцой?

– Да с Любой! Хотя и Манька там околачивалась. Сманила с собой ягненка, и давай резвиться.

– А с Любовью-то что?

– Что, что? Поздоровалась, как дела спросила. Заодно и совет ей дала. А то, ишь ты, печь не умеет топить. Эх, молодежь! Ничего-то не знают, зато в этих ваших тырнетах сидеть горазды... и эти... как их?... Срилсы, простихоспади, смотреть! А я в свои восемнадцать уже на заводе работала наладчицей. В две смены! Так-то от!

– Понятно. Анна Никитична, мы еще обязательно к этому вернемся! После того, как вы встретились у колодца с Любовью, что дальше было?

– Что, что? Говорю же, поздоровались мы с ней, чуток поболтали... И все. И пошла Люба в свою сторонку, а я в свою. Не успела я далеко уйти-то... А потом и случилось это.

– Что конкретно?

– Любка ка-а-а-к выскочит из дому-то! Вся черная, кричит, не понять чего. То ли рыдает, то ли кашляет. Понеслась на меня, руки растопырив. Манька моя, даром, что спокойная, так и то... сайгача дала. Пронеслась мимо меня фурией!

– Овца?

– Да Люба! Ты чем слушаешь, милоч? Глаза вытаращены, лицо черно. Я шуганулась от нее, а она будто меня и не заметила. Стрелой пролетела дальше. А тут Мухтар ей под ноги бросился!

– Мухтар?

– Да Митяев пес! Он сам на крыльце столбом застыл, а как увидел Любку, креститься стал и пятиться.

– Пес?

– Какой еще пес? Старый хрыч этот... А Муха на цепи был. Ну и от! Мухтар с цепи сорвался и к Любе. Зарычал, залаял! Так она подпрыгнула на два метра. Кошкой за забор уцепилась и сверзнулась!..

– Куда?

– Куда, куда! За забор же... От ты непонятливый! – Баб-Нюра тяжело вздыхает. – Ты это, мил человек, пей... как же ее там? Гинку билобу! Мне докторица из города прописала для мозга. Такой молодой, а уже память тебя подводит! Вот я в твои годы...

– Анна Никитична, а дальше что было?

– А чего там дальше? Не видала я. Митяя спрашивать надо.

– Спасибо вам, Анна Никитична!

– Да было за что. Вы это, если статью какую писать будете, про моих овец напишите! Шерсть шелковая, руно выходит – что пух! А какие шали местные мастерицы делают! А то все только про курей пишете!

Мы не смогли задать вопросы непосредственному свидетелю событий, но у нас есть видеозапись.

Демьян Морозов сначала стоит на крыльце.

Крупный план фиксирует прищур глаз, потом ухмылку, а следом за ней проступает озадаченное выражение.

Оно быстро трансформируется в тревожное.

Заметив что-то Демьян срывается с места. Чертыхнувшись, ругается сквозь зубы:

– Да куда ж тебя понесло-то?..

Его быстрый шаг сменяется на бег.

– Люба, стой! Там...

Запись обрывается.

У нас остался еще один свидетель событий!

Дед Митяй

– Дмитрий Никанорович, как вы можете прокомментировать случившееся?

Почесав заросшую щеку, дед Митяй со вздохом уточнил:

– Так это... а матом нельзя?

– Не желательно. Но если не сдержитесь, не переживайте – мы все лишнее вырежем.

– Не знаю тока, с чего начать?.. – нерешительно мнет уз-

ловатые пальцы.

– А вы начните с начала.

– Так это, вчера не спалось мне. Муха брехал, как полумный. Ну и я выглянул посмотреть...

– И увидели нашу Любовь?

– Ага, *цензура*, ее! Это я *цензура* сегодня тока узнал... А вчера помстилось мне, что ад разверзся, и эта тварина *цензура*прямиком оттудова и сбёгла! Глазищи – во! Лапы – во! Туша огромная мохнатая, а на башке рога! *Цензура*.

– Сложно в это поверить...

– Так это, и я о том же! Я как увидел, чуть не обоср... *цензура* гхм, простите, едва душу не отдал! Думал, это по нее, грешную, пришли! *Цензура*. Еще и Филлимониha, дура старая, все каркала, что допьюсь до чертей... Накаркала *цензура*.

– Что же дальше было?

– Да только я за ружжо схватился, тварь исчезла. *Цензура*. Я к образам, в колени бухнулся, молил не губить меня окаянного. Зарок дал – не пить больше! А сегодня... едва *цензура* не помер со страху, когда оно снова явилось. – Дмитрий Никанорович экспрессивно размахивает руками. – Рожа черная, глаза вытаращены, когти на меня нацелило... *Цензура*. Думал, всё, *цензура*, пришел твой час, Митяй. Перекрестился, а оно мимо меня проскочило. Слету на забор взгромоздилось, вцепилось в него когтищами, *цензура*. Да только Муха мой не из трусливых. Цепь порвал, и давай лаять. Ну

оно и не удержалось долго, сверзлось на ту сторону... Завыло так пронзительно, аж до печенок проняло. *Цензура*. А там уж я и речь человеческую услышал...

– Стало быть, Любовь пробежала мимо вас, запрыгнула на забор и с него же свалилась? Так?

Почесав затылок, дед Митяй пожимает плечами:

– Выходит, мил человек, что так. Только я не сразу в ней девицу-то признал... уж больно грязна была.

– А что у вас там за забором?

– Так это, хрюшки у меня. Навоз ихний туда

Глава 26. Принц и жабы

Любовь

Погрузившись в воду по самый подбородок, предаюсь самому неблагоприятному для писателя делу.

Меланхолии.

В таком состоянии «ни петь, ни танцевать» не хочется.

Настроение мое смылось еще с первой порцией воды, после того, как Морозов милостиво предложил услуги своей ванной.

Помяни черта.

– Люб, можно? – Стукнув костяшками, Демьян вошел, мало утруждая себя правилами приличия.

– А если бы я была голая? – лениво кручу рукой в кружевах из белой пены.

Пахла она просто изумительно – клубникой.

Я же, по своим ощущениям, до сих пор фоню дерьмом.

– Неужто в своей страшной шубе залезла? – Демьян вскидывает вверх брови.

– Ага. Ее теперь только сжечь. Напалмом, как биологическое оружие, – убито резюмирую.

Только мне так могло повезти – наглотаться сажи, залезть от испуга на забор и свалиться в кучу навоза.

Шубу и шапку можно просто выкинуть, я их после такого купания не надену, даже если мне деньги предложат.

Теткины «прощайки», возможно, стоило бы отмыть, но я лучше новые ей куплю.

– Не кисни, Тишина, – нарушает тишину Демьян и отлипает от косяка. – Какое бы дерьмо не случилось в жизни, главное же что?..

– Что? – поворачиваю к нему голову.

– Кто тебя из него вытащил!

Когда я сидела там и рыдала, на помощь ко мне пришел именно Демьян.

Не побоявшись испачкаться, перемахнул через забор, выдернул меня, как репку, и приволок к себе.

И что самое интересное – Демьян не зубоскалил на тему моего факкапа. А просто молча помог избавиться от верхней одежды и проводил в ванную.

Зато теперь докапывается до меня:

– Так ты там голая или нет?

– Отстань, старушка, я в печали.

Стрельнув взглядом на мою грудь, Морозов пристраивается рядом с джакузи.

Прямо на пол.

– Давай, признавайся, Тишина, у тебя там третья сиська? – На его губах расцветает шkodливая улыбочка.

Кто о чем, а голый – о бане!

– Пошляк, – фыркаю и брызгаю на него водой.

Мою ладошку тут же ловят, и я не спешу вытягивать ее из плена горячих пальцев.

– У-у-у, кому-то пора на берег! – Морозов сжимает мою кисть. – Вон уже кожа сморщилась. Еще немного, и я тут курагу буду вылавливать...

– Еще немного, и я тебе скормлю мыло, – лениво грожу. – Ай!

В ответ мои пальцы прикусывают, и это так приятно, что мне становится жарко.

– Ладно тебе, третий час уже пошел, как ты здесь откисаешь.

Демьян при этом смотрит на меня так, будто сам бы с удовольствием присоединился.

А что?

Размеры джакузи позволяют с комфортом устроиться здесь не только Морозову, но и позвать на огонек Ульяновку и выдуманного любителя тройничков.

– Тебе воду жалко? – вздыхаю и тянусь к гелю для душа.

Пена опасно скользит по коже груди, но все в рамках приличий.

А вот осязаемый взгляд Демьяна очень неприличен. И он тоже ползет по мне, прижигая самые пикантные места.

И пена с водой уже не кажутся мне надежной преградой.

От Морозовского взгляда, как от гамма-излучения, спасет только толстый слой бетона.

– Тогда можно к тебе? – Обнаглевшая лапа касается моего колена, ведет по нему выше, слегка сжимая бедро.

– Облезешь! – луплю по руке Демьяна, пена летит в раз-

ные стороны. – И вообще, выйди, мне надо еще раз смыть это с себя.

– Да на тебе скоро кожи не останется! Давай я лучше тебе массаж сделаю...

– Морозов! – бросаю на него сердитый взгляд. – Сделай себе массаж...

– О, ты не поверишь, сколько раз я уже себя «помассажировал», фантазируя о тебе, – перебивает меня, похабно двигая рукой и прикрывая при этом глаза.

– Иди Ульке это Расскажи! – шиплю. – И дай мне спокойно здесь утонуть!

– Не ревнуй, Очкастая! Хотя, нет, ревнуй! Только не сильно, у меня на тебя большие планы!

– Кобель!

– Ну тебе же нравится, признай! – И снова этот жаркий взгляд из-под ресниц.

– Ни капельки! – погружаюсь в воду почти по самую макушку, когда слышу ехидное над ухом:

– Врушка.

И остаюсь одна.

С колотящимся сердцем, растрепанными нервами и вскипевшей от жара водой.

Ну не дура ли?

Хозяина дома я нахожу в гостиной перед незажженным камином.

Красиво, наверное, сидеть перед ним и пить глинтвейн. А

может, читать книгу... или заниматься любовью в отблесках живого пламени.

Вот о последнем думать не стоило.

Потому что мое воображение в ту же секунду подкинуло парочку горячих сцен с Морозовым и мной в главных ролях.

Щеки тут же потеплели, а внизу живота скопилось напряжение.

Я вдруг почувствовала себя снова глупой девчонкой, в тайне мечтающей о поцелуе с принцем.

Вот только принц перецеловал уже кучу принцесс. И даже жаб.

А мне, дуре, все равно хочется...

Нерешительно замерев в проходе, любуюсь мужчиной, в которого превратился тот самый ветреный принц.

И сердечко мое тарахтит, и пальцы дрожат, стягивая туже узел халата, который мне до самых пят. И губы непослушно выдыхают:

– С-спасибо. Мне... – горло пересыхает, когда Демьян оборачивается. Его взгляд скользит по моим ногам, бедрам, груди, и в комнате становится жарко. – Мне, наверное, пора?

Почему это звучит, как вопрос?

– Оставайся, Люб, – впервые слышу у него просительные интонации. – Тебе понравится.

– Это такой подкат?

– Это предложение. Какой твой положительный ответ? – И снова обжигающий взгляд.

Качаю головой.

Я не сомневаюсь, что мне понравится.

А что мне потом делать со своим глупым сердцем? Кто потом его будет реанимировать?

– Не могу. У меня там куры...

– Уже проверил и покормил. – Демьян делает шаг ко мне.

– Кинг...

– Если это ушастый увалень, то я его выгулял и налил в миску свежей воды. – Еще пара шагов. Руку протяни и коснешься крепкой мужской груди.

– Печь...

– Затоплена и больше не плюется сажей. – Морозов с легкостью влезает в мое личное пространство, давит своей энергией.

И я не чувствую внутреннего протеста по этому поводу.

Мое тело живет своей интересной жизнью.

А как еще объяснить то, что оно жаждет прикосновений, поцелуев и всего остального?

Жаждет так сильно, что я с трудом могу сосредоточиться и что-то связно говорить.

– Останься. Ты не пожалеешь об этом, – искушает Демьян, и я замороженно смотрю в его глаза.

Мне кажется, что я вижу в них искры огня.

Он, я, камин и наши обнаженные тела...

Боже, дай мне сил!

Отворачиваюсь, костеря себя за слабость.

– Прости... - шепчу еле слышно. – Мне надо идти.

– Пойдем, провожу, – уже другим тоном говорит Морозов и первым выходит из гостиной.

Мне хочется поежиться от его интонации. Она равнодушная.

Быстро же ты потерял ко мне интерес!

Снедаемая противоречивыми чувствами, иду следом за ним в прихожую.

Там мне вручают теплую куртку с эмблемой какой-то фирмы, ботинки, в которых тону... и берут на руки.

– Ай, ты чего?! – от испуга пишу.

– Донесу тебя, а то еще куда-нибудь успеешь по пути залезть и свалиться. – Демьян нахально мне подмигивает.

– Только не урони меня в сугроб! – даю указание.

– А как же «повторение – мать учения»? – Морозов бравирует, прижимая меня сильнее, и я вопреки угрозе расслабляюсь в его руках.

Снова все повторяется: лиловые сумерки, снег скрипит под ногами, вот только я никуда не проваливаюсь и не врываюсь.

Мороз накидывается на мои щеки и шею, но мне в руках Морозова жарко!

Внутри какой-то коктейль из эйфории, нежности, волнения и страха.

Пульс грохочет в ушах, пока меня несут как самое ценное сокровище.

Глава 27. Тактический ход

Любовь

В доме наконец-то тепло!

Кинг встречает нас у порога встревоженным лаем, но быстро успокаивается, заметив на руках чужака свою бедовую хозяйку.

– Отпусти, – прошу тихо, сама мечтая о совершенно противоположном.

Морозов опускает меня, но рук при этом не расцепляет.

Мгновение смотрю в его глаза, а потом перевожу взгляд на губы.

Запоздало хочется согласиться на все.

Так, Люба, быстро включаем голову! Потому что доверять одному месту в таких вопросах не стоит.

Оно тебя сегодня уже прокатило на компостном аттракционе.

Разрываю контакт, делая крошечный шагок назад. И мне позволяют, но в карих бесстыжих глазах я читаю «это просто передышка, Тишина».

Пока пес с интересом обнюхивает ноги моего гостя, я пытаюсь откатить настройки до той версии себя, что не имела проблем с мозгом.

– Угостишь меня чаем, Люб? – врывается в мои хаотичные мысли голос Морозова.

– Это тоже подкат? – невесело усмехаюсь.

– Это тактический ход. С утра ничего не ел.

И так плотоядно смотрит на меня при этом, что нет никаких сомнений, кого бы он сожрал в первую очередь.

– Так что, пригласишь, Люб? У меня и чай с собой есть, – шепчет мне на ушко. Он снова слишком близко – Пара пакетиков... такие квадратные, с разными вкусами.

Мгновенно вспыхиваю, потому что тут же понимаю, о каких пакетиках речь.

Молча сверлю Морозова возмущенным взглядом.

Вот же... озабоченный!

А Демьян с хитрой улыбкой достает из кармана... два фольгированных квадратика с известной маркой чая!

– Зеленый или черный, выбирай.

И его взгляд в этот момент говорит: «Ну и кто из нас озабоченная?»

Первой прыскаю от смеха. Он пузырьками лопается во мне до приятной щекотки. Становится вдруг легко и весело.

Демьян, улыбаясь, шелестит в руке «презиками» со вкусами земляники со сливками и чернослива, а я хохочу все сильнее.

– Ладно, с меня тогда кипяток, – утерев слезы, машу рукой, и спешу переодеться.

Выхожу уже в привычных джинсах и в шелковой пижамной рубашке.

А кто виноват, что в чемодане три книги, две пижамы от

Виктории, ворох трусов и ни одной, ни одной теплой шмотки?!

Правильно, Любовь Антоновна!

Такое ощущение, что я просто выгребла из верхнего ящика комода всё его содержимое, а голова моя в этот момент думала о другом.

Ну зато в этой черной рубашке я выгляжу приличней, чем в халате не по размеру.

К моему появлению на столе уже пытит электрический самовар, расставлены блюда и чашки, под салфеткой угадывается какой-то пирог. А с краю лежит сверток.

– Что это?

– Это тебе передала БабНюра.

Внутри оказалась шаль.

Тонкая, как паутинка, из белого пуха с длинными кистями. Невесомая.

Накинув на плечи, ощутила, как в ней тепло.

– Спасибо, – тихо шепчу, смущаясь.

– Я поблагодарил ее от тебя. Но ты все равно потом загляни... – Демьян что-то жует. – Она еще и кекс испекла, с цукатами и еще какими-то прибабасами. Вкусно!

– Кекс?

– Мхм. Будешь кекс с чаем, Люба? – Демьян в этот момент оказывается так близко, что я чувствую тепло его тела.

Снова меня подначивает.

– Буду.

И мы пьем чай, обжигаясь, и поглядывая друг на друга.
Едим вкуснейший кекс. А в воздухе что-то такое витает.

Наши пальцы сталкиваются, и меня бьет разрядом тока.
Одергиваю, но опрометчиво в этот смотрю в глаза Морозову... и пропадаю.

Там, в карих омутах, обещание, предвкушение и жажда.
Сглатываю.

– У тебя тут варенье, – Демьян тянется и подушечкой
большого пальца стирает с моей щеки каплю.

А потом нежно проводит им по моей верхней губе.

У меня бабочки в груди порхают, щекам становится жарко, а в животе скручивается узел из томительного ожидания.

Потому что хочется большего.

Больше прикосновений. Больше ласк.

Безумство какое-то.

Электричество между нами грозит закоротить проводку.

– Лю-ба, – шепчет тихо Демьян, а я в смятении не знаю,
куда смотреть.

Это волнительное чаепитие грозит закончиться в одной
постели с Морозовым.

И я пока не решила, хочу ли этого.

Точнее, хочу!

Но как быть со всем остальным?

А оно ведь – остальное – обязательно настанет после того,
как Демьян поставит напротив меня «победную» галочку и
пойдет дальше.

Теребя шаль, опускаю глаза вниз, и мои брови тут же ползут вверх от удивления.

– Это что... книга? – едва не вырывается «моя», но окончание фразы я уже договариваю на ногах.

– А, да. Валялась в растопке. Ты в следующий раз бери газетку, они вон там у тетя Зины сложены...

– Ты сжег книгу?! – я все еще не могу в это поверить.

Из моей Невинно насаженной варварски выдраны страницы, а обложка прокутана в нескольких местах.

Бросив грозный взгляд на Кинга, делающего вид, что он сладкая мамина булочка, а не потрошитель ее же книг, возвращаюсь за стол.

– Да оставь ее... Людка скорее всего забыла, – Демьян бросает на обложку взгляд и морщится. – Вряд ли ТетьЗина читает подобный шлак.

Что. Он. Сейчас. Сказал?

Кажется, я это произношу вслух. Меня просто распирает от негодования.

Шлак?!

Глава 28. Чай, жених и заклятый друг

Любовь

– Да кто вообще эту чушь читает?

С негодованием смотрю на Демьяна, готовая уже разорвать его на сотню копий поменьше.

Как это кто читает?

Мои читательницы, конечно. Постоянники, фанаты, ЦА... (*авторский слэнг, обозначающий постоянную аудиторию – прим.автора*)

Да как хочешь назови, но смысл все тот же – им нравится то, о чем я пишу, и они готовы это покупать!

– А что не так? – обиженно бурчу, звеня чайной ложкой по блюдцу.

Пренебрежение в словах Морозова задело меня сильнее, чем я думала.

– Да здесь же огромным жирным шрифтом написано «Я ОДИНОКАЯ БАБА НА СУХПАЙКЕ! ТРАХНИ МЕНЯ!!!» – смеется он, обнажая в улыбке крепкие белые зубы.

И я бы обязательно ответила на эту улыбку, если бы не насмешка в карих глазах.

Обиженно поджимаю губы.

Да все нормально у меня с этим!

И так унижительно – «баба» – меня еще никто не называл.

От этого обидно вдвойне, потому что себя я считаю молодой привлекательной женщиной и подающим большие перспективы автором.

– Это ты так говоришь, потому что сам с воды на хлеб перебиваешься... и гоняешь своего малыша в кулачке под рев буровой установки, – возвращаю «комплимент».

– Гул...

– Что? – непонимающе смотрю на него.

– Буровая гудит, а не ревет, как медведь. Хотя и они там частые гости. А шуцер свой полировать мне кулачка хватает, – с язвительной ухмылочкой Морозов раскрывает свою ладонь, больше похожую на лопату.

Вмиг краснею, когда перед мысленным взором вновь предстает увесистый «шуцер» Демьяна, которому даже мороз не помеха.

Испытывая досаду наполоам с легким возбуждением, шумно отпиваю чай и тут же прикусываю обожженный язык.

И все это под насмешливым взглядом мужчины напротив.

Интересно, все нефтяники такие противные?

Или только меня «наказали» Морозовым?..

Хочется стукнуть его, такого самоуверенного и в чём-то даже правого.

У меня давно никого не было, но это ещё не повод натянуть на меня синие чулки и выдать морковку, потому что слаще ее уже ничего в жизни не будет.

– И вообще, чего ты прикопался к этой авторше? – иду в контратаку. – Сам небось от корки до корки читаешь такие книжечки.

– Мне хватило пары абзацев, чтобы впечатлиться ее большой фантазией... особенно там, где героиню шпилили аж трое мужиков. – Морозов кривится как от зубной боли.

Вообще-то, там дальше героиню шпилят всемером... я Белоснежкой вдохновлялась.

И эта книга бестселлер по продажам за этот год!

Но об этом я скромно молчу. Зато соплю громко и с возмущением.

– Нормально она пишет. Тираж вот этой, – киваю на лежащую на столе книгу с юной девой и семью обнаженными мужиками на обложке, – уже раскуплен в ноль! И еще будет печататься!

– Так защищаешь порнушницу... – Демьян издевательски смотрит на меня, прихлебывая из своей кружки чай. – Признавайся, Тишина, знакомая твоя пишет или ты в доле с продаж?

Да чтоб тебе язык прижгло!

Внутренне киплю, стараясь не подавать виду.

Но по нахальному взгляду Демона-Демьяна понимаю, что для него я «открытая книга», и все мои психи он с легкостью считывает.

– А может, ты и сама на досуге такое пописываешь?.. – тянет издевательски.

Нет, я все-таки стукну его!

Да пишу и ничуть этого не стыжусь.

Но сейчас почему-то язык не поворачивается признаться в этом Морозову.

Он же будет ржать как отбитый конь.

А мне хватило за сегодня унижения.

Очень хочется взять что потяжелее и ввалить по башке этому самодовольному мужлану и обладателю морозостойкого штуцера.

– Если надумаешь меня придушить, сделай это нежно... люблю женскую ласку в любом ее проявлении, – подначивает меня Демьян.

А у самого в теплых карих глазах притаились бесы, губы кривятся в усмешке, и мое сердце вдруг начинает ломиться сквозь ребра наружу.

Смущенная собственной реакцией, прячу это за колкостью:

– Вот еще! Пошляк! Тебе заняться, что ли, нечем? Возьми вот книжку почитай. Вдруг что-то новое для себя откроешь?..

Морозов хмыкает.

– Мне для практики книжонки с кривой теорией не нужны. А этой, – сграбастав книгу со стола, Демьян читает по слогам: – Ло-ле Бес-по-доб-ной я бы посоветовал почаще проветривать свою... кормилицу, чтобы писать о сексе с натуры, так сказать...

Ах, ты гаденыш!

Раскочегариваюсь похлеще самовара, стоящего на столе. Аж в висках стучит.

– Все у нее нормально на личном! И опыт есть, и мужики, и морковь, и хрен!.. Все у нее есть! И с кормилицей – тьфу ты! – с тем самым полный порядок, можешь не переживать!

– Воу-воу, полегче, женщина! – выставив ладони, Демьян округляет глаза и широко улыбается. – Не кипи ты так, а то крышечку сорвет. Я все понял. Ты ее фанатка!.. Правда, не совсем догнал при чем тут морковь и хрен...

Набираю воздуха для новой тирады, но Морозов не дает, ставя меня в тупик своим вопросом:

– Раз уж мы подняли тему секса. У тебя самой-то как с этим дела обстоят?

Подвисаю как паленый Офис на компе после обновлений системы.

– К-какие дела?

– Ну как же... – Демьян делает серьезное лицо. – Книжки вон какие познавательные читаешь. С мужиками-то без них справляешься... или позы позабористей подсматриваешь?

Я его сейчас прибую!

– У меня. Всё. Лучше всех! – шиплю, мечтая выцарапать насмешливые карие глаза. – Если расскажу, завидовать будешь!..

– Ну-ка, ну-ка! Давай, Очкастая, делись! Мне страсть как охота позавидовать чужой личной жизни! Ты ж мою похери-

ла. А так, будет хоть над чем всплакнуть на вахте, в очередной раз гоняя лысого...

– Я не Очкастая! – воплю и тут же поправляю... очки.

Детское прозвище из уст Морозова звучит обиднее всего.

– Окей, нет так нет, – идет на попятную Морозов. – Хотя, знаешь... сейчас ты один в один похожа на очковую кобру!.. Шипишь и раздуваешь капюшон.

Что? Я?! На кобру?!

– А ты... ты похож на глиста! Такой же мерзкий и противный! – запальчиво кричу. – И свою личную жизнь устраивай подальше от меня... и моей бани!..

На мой выпад этот гад только хмыкнул.

Чертов бабник!

А ведь он в детстве очень сильно мне нравился. Скажу больше – он был моей первой серьезной влюбленностью.

Я «болела» им три года и мечтала о том, что мы когда-нибудь будем вместе, поженимся и нарожаем футбольную команду детишек.

Но не срослось...

Ни со свадьбой, ни с детишками у меня пока не клеится.

В отличие от сидящего напротив мужчины, от одного взгляда которого я чувствую себя снова влюбленной очкастой восьмиклассницей с дурацкими скобками на зубах.

О похождениях Морозова я регулярно просвещалась от тети Зины.

Та исправно докладывала, какой масти девицу на этот раз

привез с собой в деревню соседский внучок и мой заклятый друг детства.

Тогда-то и прошла моя любовь, завяли помидоры...

Там же, в прошлом, остались и подростковые прыщи, и брекеты, и детские мечты о мальчике... который посмел вырасти в умопомрачительного мужчину.

– И что б ты знал, у меня жених есть! – смущенная своими мыслями, вру, ни капли не краснея.

Готова поспорить на свою недописанную рукопись, что все эти долгие тринадцать лет Демьяну до сиреновой звезды было на меня и мою личную жизнь.

Это я когда-то знала о Морозове слишком много...

– Да-а? И где же он? – Демьян показательно вертит головой, заглядывает под стол и снова скалится.

Позёр!

– Он сейчас в Европе, улаживает вопрос с моей визой, – и эта ложь слетает с губ так же естественно, как и первая.

А что? Чисто гипотетически мой будущий муж может быть иностранцем...

– Ага! Тяжело небось?... Ты здесь, он там... Любовь по переписке, секс по видео звонку... Романтика.

Стискиваю пальцы, мечтая все-таки придушить говнюка. И отнюдь не нежно!

А потом закопать его в сугробе...

Чтоб наружу торчал только гордый штуцер-переросток.

А Морозов, не догадываясь о моих кровожадных мыслях,

продолжает паясничать:

– Книжечки небось тоже как и ты почитывает, опыта набирается?.. Не страшно ему за невесту? Он знает, что ты тут одна в компании холостого мужика чаи гоняешь?.. А ванну у меня он тебе тоже разрешил принимать?

Негодование достигает пика, я всплескиваю руками, едва не задев кружку с остывшим кипятком:

– А мы друг другу доверяем, Морозов! Прикинь! Мой жених верен мне и знает, что я верна ему! И вообще, чего ты здесь расселся? Чаю попил? Попил. Вот и вали к себе!

Сердито собираю чашки со стола. Блюдца возмущенно дзынькают.

Внутри меня тоже все звенит от негодования.

– Спасибо, что помог с растопкой печи... и со всем остальным, но дальше я сама!

Демьян встаёт из за стола и направляется в сторону сеней.

Я иду следом, кутаясь в теплую шаль и раздумывая о том, где бы раздобыть ещё парочку одеял, чтобы не околеть следующей ночью.

Ведь к утру печь закономерно остынет, а меня на подвиги с вечным огнем что-то пока больше не тянет.

И так, переполох устроила... чудом обошлось без жертв.

На пороге Морозов резко оборачивается, и я чуть не врезаюсь носом в его широкую грудь.

– Спасибо в карман не положишь и на хлеб не намажешь, Тишина, – Демьян упирается рукой в косяк, как гора нависая

надо мной.

– И чего ты хочешь? – гадаю, что можно из снеди положить Морозову в карман.

Сушки? Грибов соленых? Банку тушенки?

Пачку масла точно не дам! Вы цены на масло видели?!

– Поцелуй меня.

Он сейчас серьезно? Я не ослышалась?

Ошарашенно смотрю на него.

И почему-то в этот момент Демьян не выглядит как человек, пару минут назад отпускавший соленые шуточки про меня и моего выдуманного жениха.

Ответный карий взгляд слишком пытлив и внимателен.

В уголке четко очерченных губ прячется язвительная ухмылочка, готовая вот-вот обнажить ямочку на заросшей темной щетиной щеке.

Все в Морозове было слишком.

Слишком длинные ресницы.

Слишком ровный нос.

Брови темные и слишком густые.

Губы... слишком часто они сегодня складывались в язвительную улыбку.

И сейчас я зависла на них.

Поцеловать его?

Сердце пропустило удар, а потом сорвалось в уверенную тахикардию.

Мне резко стало жарко, будто снова в баню шагнула.

Срочно «скорую»! Тут пациентка на грани обморока.
Наверняка я покраснела.

Моя детская мечта о поцелуе с самым красивым соседским мальчиком вдруг воскресла и маячит перед носом.

— А ты все такая же... — выдыхает раздраженно Демьян и одним рывком притягивает меня к себе. — Тетёха ты, Тишина.

Расстояние между нашими лицами резко сокращается, и я со всхлипом прикрываю глаза.

В голове бьется последняя паническая мысль: «Как же так вышло, что я оказалась в Лопухах один на один со своей первой любовью и не могу совладать со своими чувствами?»

Во всем виноват неписец!

Глава 29. Опасно

Демьян

У нас на севере говорят, что вахтовику-нефтянику опасно делать три вещи: курить возле фонтана ГНВП*, кормить медведя сгущенкой... и думать о доме.

И если первые два варианта не угрожают раньше, то третий спустя пару месяцев вахты свернет кукушечку набекрень.

И сейчас я для себя понял еще одну опасную вещь.

Находиться в одной комнате с женщиной, на которую тело реагирует однозначным «хочу», опасно не только для здоровья, но и для этой самой женщины.

Потому что в этот момент переключается в башке какой-то тумблер, и вот ты уже не цивилизованный мужик, а ненасытная зверюга, у которой основной инстинкт – спариваться.

Все мысли крутятся вокруг этого, и лезет из нутра истинное самцовое «догнать, подмять, отыметь».

Вздрюченное воображение подкидывает порно фильмы с участием Любы, и там такая жарिशка!

Кровь только от мыслей вскипает и устремляется вся вниз, член каменеет и рвется в бой.

И вот ты сидишь, прихлебываешь чаек, а сам еле удерживаешься, чтобы не послать на хер остатки человечности и не поддаться древнему инстинкту.

Люба слизывает с губ сладкую каплю, а я уже мысленно хватаю ее и тяну на себя, чтобы отжарить как следует.

У стеночки, на столе, загнуть ее раком и наконец дать волю рукам и себе.

Казалось бы, еще два дня назад я ни о какой Любове Тишиной и не думал.

А теперь все мысли только о ней.

Как так вышло, что соседская девчонка, заноза и язва вдруг превратилась в шикарную женщину.

И у меня не нее стоит 24/7.

А уж после того, как я лицезрел Любу в своей ванной, у меня на один порно сюжет стало больше.

Едва ведь сдержался, чтобы не наброситься на нее там. Таковую соблазнительно голую, незащищенную и пахнущую клубникой.

Хочу ее.

Сейчас бы прям сожрал, но сдерживаюсь из последних сил.

Потому что Любка морозится и злится.

Не совсем, правда, понимаю из-за чего. Ну не из-за книжки, в самом деле?

Или да?

Смотрю на нее: покраснелась, глаза высекают искры, пухлые губы обиженно поджимаются.

– Да кто вообще эту чушь читает? – ляпаю в ответ на ее нападки.

И трындец. Фонтан прорвало!

В башке алармирует красным надпись «опасно», но я как долбаный додик игнорю все знаки и «прикуриваю» дальше.

– А может, ты и сама на досуге такое пописываешь?.. – говорю только из желания еще полюбоваться ее злостью.

Люба моментально вспыхивает факелом, по лицу читаю, что мечтает меня убить.

– Если надумаешь меня придушить, сделай это нежно... люблю женскую ласку в любом ее проявлении, – подначиваю, а у самого сводит всё от похоти.

Эту бы энергию, да в нужное мне трахательное русло! Мы бы из постели неделю не вылезали!

Я бы ее сначала бесил, а потом укрощал это пламя.

Новость о женишке немного выбивает из колеи.

Что за кент?

Мне показалось, или она его «вот прям щас» выдумала?

А если и нет, то главный вопрос, нахрена этот «залетный птиц» Любке?

Отношения на расстоянии полная хрень, на которую только и соглашаются старые дочки и унылые «синие чулки» с оравой кошек и полным отсутствием мозгов.

У Тишиной на первый взгляд все с головой в порядке.

Ладно. Выясним, что за мужичонка у нее.

В крайнем случае, жених сексу не помеха. Не стенка – по-двинем.

– Спасибо, что помог, но тебе пора, - Люба решительно

указывает мне на дверь.

Черт.

Такой облом!

У порога мне приходит шальная мысль:

– Поцелуй меня.

Поцелуй, Тишина, и я гарантирую, что ты сама попросишь меня не останавливаться на этом.

Огромные серые глаза Любы широко распахнуты, и я вижу в них растерянность, а еще сомнение.

Ну, блин, сейчас даст заднюю!

Притягиваю ее к себе, дурея от ощущения мягкого податливого тела в руках.

– Тетёха ты! – укоряю с усмешкой, и тянусь к ней.

Люба покорно прикрывает глаза. Я задерживаю дыхание, как перед прыжком в воду... и с шумным выдохом отстраняюсь.

– Бу! – выдыхаю Любе в лицо, и она испуганно вздрагивает.

А следом на ее лице появляется разочарование, будто конфетку отобрал.

Но внутри меня хаос. И хочу ее до одури, и не могу силой.

А хочу... хочу, чтобы сама потянулась. Дала мне этот чертов зеленый свет.

Растерянное и обиженное лицо Тишиной, как ведро холодной воды.

– Спокойной ночи, – желаю ей и выхожу в сени.

Здесь темно и прохладно. А внутри меня ядерный реактор.

Теряешь хватку, дружище!

Я делаю несколько шагов, а потом замираю.

Какого хера?! Это же только поцелуй. Простое прикосновение. Оно ни к чему не обязывает.

Но если я сейчас этого не сделаю, то просто свихнусь.

В доме крошечная темнота.

– Дём, – испуганно зовет меня Люба и прерывисто вздыхает, когда я с легкостью нахожу ее пальцы. – Пробки вышибло...

– Да, мне тоже, – выдыхаю и, притиснув Тишину к себе, прижимаюсь к ее губам.

В конце концов, я всегда лихачил на красный!

**- газонефтеводопроявление, опасно внезапностью и открытым горением, прим. автора*

Глава 30. Поцелуй

Демьян

Я помню, как впервые поцеловался с девчонкой.

Детский лагерь, южный берег и море.

Она была старше и самой красивой девчонкой в отряде.

Я был борзый и выше ее сверстников на голову.

Гормоны шакалили так, что спать не мог. Ворочался под смешки пацанов.

И вот на дискотеке она предложила сбежать на море – про дыру в заборе нам рассказали старшие.

Улизнув ото всех, мы, опьяненные свободой, шатались по берегу.

Брызгали друг в друга водой, пускали блинчики в волны, смеялись над глупыми шутками. А потом я ее поцеловал.

Это было мокро, скользко и солено. А еще приятно, и такая в теле появилась эйфория, что голову вело.

Говорят, первый поцелуй не забывается. И не повторяется.

Отчасти правда.

И пусть лицо той девчонки заблюрилось в памяти, поцелуй с Любой вернул меня в то время.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.